

Джордж МАРТИН

ПЛАМЯ И КРОВЬ
КРОВЬ ДРАКОНОВ

Песнь Льда и Огня

Джордж Мартин

Пламя и кровь. Кровь драконов

«АСТ»

2018

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84 (7Сое)-44

Мартин Д. Р.

Пламя и кровь. Кровь драконов / Д. Р. Мартин — «АСТ»,
2018 — (Песнь Льда и Огня)

ISBN 978-5-17-111084-0

Тирион Ланнистер еще не стал заложником жестокого рока, Бран Старк еще не сделался калекой, а голова его отца Неда Старка еще не скатилась с эшафота. Ни один человек в Королевствах не смеет даже предположить, что Дейенерис Таргариен когда-нибудь назовут Матерью Драконов. Вестерос не привел к покорности соседние государства, и Железный Трон, который, согласно поговорке, ковался в крови и пламени, далеко еще не насытился. Древняя, как сам мир, история сходит со страниц ветхих манускриптов, и только мы, септоны, можем отделить правдивые события от жалких басен, и истину от клеветнических наветов. Присядьте же поближе к огню, добрые слушатели, и вы узнаете: – как Королевская Гавань стала столицей столиц, – как свершались славные подвиги, неподвластные воображению, – и как братья и сестры, отцы и матери теряли разум в кровавой борьбе за власть, – как драконье племя постепенно уступало место драконам в человеческом обличье, – а также и многие другие были и старины – смешные и невыразимо ужасные, бряцающие железом доспехов и играющие на песельных дудках, наполняющее наши сердца гордостью и печалью...

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-111084-0

© Мартин Д. Р., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Завоевание Эйгона	7
Войны короля Эйгона I	17
Три головы дракона: правление первых Таргариенов	23
Сыновья дракона	28
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джордж Р. Р. Мартин

Пламя и кровь. Кровь драконов

George R.R. Martin
FIRE AND BLOOD

© George R.R. Martin, 2018

© Перевод. Н. Виленская, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Завоевание Эйгона

Для мастеров Цитадели, пишущих историю Вестероса, Завоевание Эйгона имеет особый смысл. Рождения, смерти, битвы и другие события датируются либо ОЗ (от Завоевания), либо ДЗ (до Завоевания).

Истинные ученые понимают, что такое летосчисление не может быть точным. Эйгон Таргариен завоевал Семь Королевств не в один день. Между его высадкой и коронацией в Староместе прошло больше двух лет, и даже тогда Завоевание не было полным, ибо Дорн остался непокоренным. Попытки присоединить его к королевству делались и при Эйгоне, и при его сыновьях, отчего назвать точную дату окончания Завоевательных войн невозможно.

Даже дата начала их вызывает сомнения. Многие ошибочно полагают, что правление короля Эйгона началось с того дня, когда он высадился в устье реки Черноводной у трех холмов, где позднее вырос город Королевская Гавань. Между тем это не так. День высадки праздновался Эйгоном и всеми его потомками, но сам Завоеватель считал, что царствование его началось с того дня, когда верховный септон короновал его и помазал в Звездной септе Староместа. Произошло это два года спустя после его прибытия в Вестерос, после победы в трех главных сражениях Завоевательных войн. Посему эти войны правильнее было бы отнести к 2–1 годам ДЗ.

Драконовластные Таргариены были чистокровными валирийцами. За 12 лет до Рока (114 г. ДЗ) Эйнар Таргариен продал свои владения в Республике и переместился со всем своим имуществом, женами, рабами, драконами, чадами и домочадцами на Драконий Камень, в мрачную крепость под дымящейся горой в Узком море.

Валирия в пору своего расцвета была величайшим городом мира. Сорок знатных домов в ее сверкающих стенах всеми средствами боролись за власть в совете, то возвышаясь, то терпя поражение. Таргариены были далеко не самыми могущественными из них, и соперники полагали, что Эйнар бежал на Драконий Камень из трусости, но причина была в другом. Дочь его, девица Дейенис, получившая затем имя Сновидицы, предсказала гибель Валирии от огня, и когда двенадцать лет спустя грянул Рок, из всех знатных семей выжили только Таргариены.

Драконий Камень уже двести лет был крайним западным форпостом Валирии. Расположение поперек Глотки обеспечивало его лордам власть над Черноводным заливом. И Таргариены, и их близкие союзники Веларионы с Дрифтмарка (меньший дом валирийского происхождения) богатели, взимая дань с корабельщиков. Корабли Веларионов и еще одних валирийцев, Селтигаров с Коготь-острова, ходили дозором посередине Узкого моря, драконы Таргариенов летали в небе.

При всем при том почти сотню лет после Рока (век, справедливо называемый Кровавым) дом Таргариенов смотрел не на запад, а на восток и мало интересовался делами Вестероса. Геймон Таргариен, брат и супруг Дейенис Сновидицы, стал вслед за Эйнаром Изгнанником лордом Драконьего Камня и заслужил себе имя Геймон Славный. После его смерти сын Геймона Эйгон и дочь Элайена стали править совместно. За ними лордами становились поочередно их сыновья Мейгон и Эйерис, сыновья Эйериса Эйеликс, Бейелон и Дейемион. Наследником Дейемиона, младшего из трех братьев, был Эйерион.

Эйгон, вошедший в историю как Завоеватель, второе дитя и единственный сын лорда Эйериона и леди Валайены из дома Веларионов, чья мать была урожденной Таргариен, родился на Драконьем Камне в 27 году ДЗ. У него были две сестры, старшая Висенья и младшая Рейенис. У лордов-драконов Валирии давно вошло в обычай женить братьев на сестрах для сохранения чистоты крови, Эйгон же взял в жены обеих сестер, хотя по традиции должен был жениться только на старшей. Двоеженство не входило в обычай, хотя ранее такое уже случилось. Говорили, будто на Висенью Эйгон женился по долгу, а на Рейенис по любви.

Все трое еще до брака слыли укротителями драконов. Из пяти чудищ, прилетевших из Валирии с Эйенаром, до дней Эйегона дожил только один, огромный Балерион Черный Ужас. Еще два, Вхагар и Мираксес, были моложе его и вывелись уже на Драконьем Камне.

Расхожий миф, часто повторяемый невеждами, гласит, что до завоевания нога Эйегона ни разу не ступала на землю Вестероса. Это неправда. Задолго до начала своих войн лорд Эйегон приказал изготовить Расписной стол: вырезать большую колоду футов пятидесяти длиной в форме Вестероса и нарисовать на ней все леса, реки, замки и города Семи Королевств. Есть также надежные свидетельства того, что Эйегон и Висенья в юности посещали Цитадель Староместа и бывали в Боре как гости тогдашнего лорда Редвина. Он, возможно, побывал и в Ланниспорте, но на сей счет мнения разнятся.

Вестерос в те времена был поделен на семь враждующих королевств, и едва ли когда случилось, чтобы два-три из них не воевали между собой. Обширными пространствами холодного Севера правили Старки из Винтерфелла, пустынями Дорна – принцы дома Мартеллов, золотосным Западом – Ланнистеры из Бобрового Утеса, плодородным Простором – короли-садовники из Хайгардена. Долина, Персты и Лунные горы принадлежали дому Арренов. Самыми же воинственными были два короля, чьи владения лежали ближе всех к Драконьему Камню: Харрен Черный и Аргилак Надменный.

Штормовые короли дома Дюррандонов некогда правили из своего Штормового Предела всей восточной половиной Вестероса от мыса Гнева до Крабьей бухты, но с веками власти у них поубавилось. Короли Простора обгрызали их владения с запада, дорнийцы – с юга, Харрен Черный во главе Железных Людей оттеснил их с Трезубца и с земель к северу от Черноводной. Король Аргилак, последний из Дюррандонов, остановил на время этот упадок. Одержав еще мальчиком победу над дорнскими захватчиками, он вступил за Узким морем в союз против «тигров» Волантиса, а двадцать лет спустя, в сражении на Летнем Поле, убил Гарса VII Гарденера, Короля Простора. Но Аргилак старился, его знаменитая черная грива понемногу седела, и меч отягощал его некогда неутомимую десницу.

Речные земли севернее Черноводной держал кровавой рукой Харрен Черный из дома Хоуров, Король Островов и Рек. Дед его, Харвин Твердая Рука, отбил Трезубец у Аррека, деда Аргилака, а предки самого Аррека давно уже низвергли последних речных королей. Отец Харрена расширил свои владения на восток до Синего Дола и Росби, сам же Харрен царствовал без малого сорок лет и почти все это время строил близ Божьего Ока гигантский замок. Но Харренхолл наконец-то близился к завершению, и Железные Люди искали новых побед.

Ни одного короля в Вестеросе не боялись так, как Черного Харрена, о чьей жестокости рассказывали во всех Семи Королевствах. И ни один король не чувствовал себя в такой опасности от него, как Аргилак, последний из Дюррандонов, – стареющий воин, единственной наследницей коего была незамужняя дочь. Опасаясь худшего, Штормовой Король предложил ее руку Эйегону, лорду Драконьего Камня, а в приданое посулил все земли восточнее Божьего Ока – от Трезубца до Черноводной.

Эйегон на это сказал, что у него уже есть две жены и третья ему не нужна, а земли, предлагаемые Аргилаком в приданое, уже целое поколение принадлежат Харренхоллу. Штормовой Король явно намеревался поставить Таргариенов вдоль Черноводной как щит от Харрена Черного.

При этом Эйегон сделал Аргилаку свое предложение. Он соглашался взять все эти земли, буде Штормовой Король добавит к ним Крюк Масси и надел к югу от Черноводной до Мандера и Путеводной. Договор сей можно скрепить браком дочери Аргилака с Орисом Баратеоном, другом детства и первым бойцом Эйегона.

Аргилак, в свой черед, с гневом отверг предложенные условия. Орис Баратеон, по слухам, доводился Эйегону побочным братом, и Штормовой Король не желал отдавать дочь бастарду.

Аргилак отрубил руку гонцу Эйгона и отослал ее обратно в ларце, приложив письмо: «Вот единственная рука, которую от меня получит твой брат-ублюдок».

В ответ Эйгон собрал на Драконьем Камне всех своих друзей, знаменосцев и союзников. Они были немногочисленны. Первыми явились Веларионы с Дрифтмарка и Селтигары с Когтя, присягнувшие дому Таргариенов. Прибыли также Бар-Эммон с Острого мыса и Масси из Плясунов: они присягали Штормовому Пределу, но связь их с Драконьим Камнем была прочнее. После совета Эйгон вместе с сестрами помолился в замковой септе семерым богам Вестероса, хотя ранее никогда не слыл набожным.

На седьмой день с башен Драконьего Камня взмыла целая туча воронов, дабы разнести послание Эйгона по Семи Королевствам. Путь их лежал к семи королям, и в староместскую Цитадель, и ко всем лордам, великим и малым. Отныне в Вестеросе будет только один король, говорилось в послании. Тот, кто склонит колено перед Эйгоном из дома Таргариенов, сохранит свои земли и титул. Тот, кто поднимет против него оружие, будет низвергнут и истреблен.

Историки расходятся в том, сколько мечей отплыло с Эйгоном и его сестрами на материк. Одни говорят, что их было три тысячи, другие – что всего лишь несколько сотен. Это невеликое войско высадилось в устье реки Черноводной, на северном ее берегу, где над рыбацкой деревушкой стояли три лесистых холма.

Во дни Ста Королевств множество мелких владык объявляли это устье своим: и Дарклины из Синего Дола, и Масси из Плясунов, и стародавние речные короли – Мадды, Фишеры, Бракены, Блэквуды, Хуги. Башни и форты возводились на трех холмах и вновь разрушались во время войн – Таргариены видели перед собой лишь руины и заросшие камни. Устье, на которое претендовали и Штормовой Предел, и Харренхолл, никем не оборонялось, а в ближних замках сидели малосильные лорды, не питавшие к тому же особой любви к своему самозваному сюзерену Харрену Черному.

Эйгон сразу окружил наивысший из трех холмов земляным палисадом и послал сестер покорять эти соседние замки. Росби сдались Рейенис и златоокому Мираксесу без боя. В Стокворте несколько лучников пустили в Висенью стрелы, но сдались, когда Вхагар поджег кровлю замка.

Первое испытание завоевателям учинили лорды Дарклин из Синего Дола и Моутон из Девичьего Пруда. Объединив свои силы, они выступили на юг с тремя тысячами людей, чтобы сбросить пришельцев обратно в море. Эйгон, послав Ориса Баратеона атаковать их прямо в пути, спустился сверху на Черном Ужасе. Оба лорда погибли; сын Дарклина и брат Моутона сдали Таргариену свои замки и присягнули ему на верность. Синий Дол в ту пору был большим вестеросским портом на Узком море и наживался на заморской торговле. Висенья не позволила грабить город, но потребовала перенести его сокровища в сундуки победителей.

Здесь, пожалуй, самое место поговорить о характерах Эйгона и его сестер-королев.

Висенья, старшая, была таким же воином, как сам Эйгон, и в кольчуге чувствовала себя столь же свободно, как и в шелках. Ей принадлежал валирийский меч Темная Сестра, коим она обучалась владеть сызмальства наряду с братом. Вид у нее был суровый, несмотря на красоту серебрястых с золотом валирийских волос и фиолетовых глаз. Даже те, кто любил ее, признавали, что нрав у нее крутой; поговаривали также, что она знает толк в ядах и не чужда черной магии.

Рейенис, младшая, обладала ровно противоположными свойствами. Игривая, ветреная, любознательная, она любила не войну, а музыку, танцы, поэзию. Многие певцы, комедианты и кукольники пользовались ее покровительством. Говорили, однако, что верхом на драконе она проводит больше времени, чем ее брат и сестра, вместе взятые, ибо превыше всего на свете Рейенис любила летать. Перед смертью она собиралась перелететь на Мираксесе через Закатное море и посмотреть, что находится на его берегах. Верность Висеньи брату и супругу никто не оспаривал, а вот Рейенис окружала себя красивыми юношами и кое-кого, по слухам,

даже принимала у себя в спальне, когда Эйгон был со старшей сестрой. Сплетники, впрочем, вынуждены были признать, что на каждую ночь с Висеньей король десять проводит с Рейенис.

Сам Эйгон для своих современников оставался такой же загадкой, как и для нас. Владелец меча Черное Пламя, он почитался одним из величайших воинов своего времени, но не любил состязаться в воинской доблести и на турниры ни разу не выезжал. На Балерионе Черном Ужасе он летал только в бою или желая быстро куда-то добраться. Был вдохновенным полководцем, но не имел близких друзей, кроме Ориса Баратеона, с коим они вместе росли. Пользовался успехом у женщин, но хранил верность сестрам. В правлении государством во всем полагался на них же и на свой малый совет, но не колебался стать во главе, когда находил это нужным. Сурово обходился с изменниками и мятежниками, но со склонившими колено врагами был мягок.

Впервые свое великодушие он проявил в Эйгонфорте, простой крепости из земли и бревен, возведенной им на холме, который с тех пор стал зваться холмом Эйгона. Взяв с дюжину замков и закрепив за собой устье Черноводной на обоих его берегах, он приказал побежденным лордам явиться к нему. Когда они сложили мечи к его ногам, он повелел им встать и подтвердил, что их земли и титулы остаются за ними. В тот же день он даровал новые милости верным своим сторонникам. Деймон Веларион, лорд Прилива, стал мастером над кораблями, сиречь адмиралом королевского флота. Тристон Масси, лорд Плясунов, был назначен мастером над законом, Криспиан Селтигар – мастером над монетой. Ориса Баратеона король провозгласил «моим щитом, и надежей, и десницей моей», посему мастера почитают его первым королевским десницей.

Знамена с гербами давно вошли в обычай у лордов Вестероса, но вельможи старой Валирии таковыми не пользовались. Когда рыцари Эйгона развернули его шелковый боевой штандарт с красным трехглавым драконом, изрыгающим пламя на черном поле, покоренные лорды приняли это как знак, что Таргариен поистине достоин стать верховным королем Вестероса. Вслед за этим королева Висенья возложила на голову брата стальной, украшенный рубинами обруч, а королева Рейенис нарекла его Эйгоном, первым этого имени, королем всего Вестероса и щитом своего народа. Драконы взревели, лорды и рыцари вскричали «ура», но громче всех прозвучал голос простых рыбаков и крестьян.

Семерым королям, которых Эйгон вознамерился низложить, было, однако, не до веселья. Харрен Черный и Аргилак Надменный уже созвали свои знамена, король Простора Мерн следовал по Морской дороге в Бобровый Утес на встречу с королем Лореном из дома Ланнистеров. Принцесса Дорнийская послала на Драконий Камень ворона, предлагая объединиться с Эйгоном против Аргилака Штормового Короля – но не как подданная, а как равная. Союз предлагал и Роннел Аррен, мальчик-король из Орлиного Гнезда: в обмен на поддержку против Харрена Черного мать Роннела требовала, чтобы все земли восточнее Зеленого Зубца отошли к Долине. Даже король Торрхен Старк из Винтерфелла засиделся со своими лордами-знаменосцами за полночь, обсуждая, как им быть с этой новой напастью. Все с тревогой ожидали, что Эйгон станет делать дальше.

Сразу же после коронации войско Эйгона снова выступило в поход. Большая его часть во главе с Орисом Баратеоном перешла Черноводную и двинулась на юг к Штормовому Пределу; их сопровождала Рейенис верхом на серебристом златооком Миракесе. Деймон Веларион повел флот на север, к Чаячьему городу и Долине; с ними летела Висенья на Вхагаре. Сам король шел на север, к Божьему Оку и Харренхоллу – громаднейшей крепости, ставшей памятником гордыне и безумию короля Харрена. Тот завершил и занял ее в тот самый день, когда Эйгон Таргариен высадился в месте, где после выросла Королевская Гавань.

Все три войска встретили стойкое сопротивление. Лорды Эррол, Фелл и Баклер, знаменосцы Штормового Предела, захватили передовой отряд Ориса на переправе через Путеводную, зарубили больше тысячи человек и вновь скрылись в лесу. Наскоро собранный и уси-

ленный дюжиной браавосских кораблей флот Долины разбил флот Таргариена при Чаячьем городе. Убит был среди прочих и адмирал Деймон Веларион. Сам Эйгон дважды подвергся нападению к югу от Божьего Ока. Он победил в Тростниковой битве, но понес тяжелые потери у Плакучих Ив: двое сыновей Харрена со своими людьми переплыли озеро на ладьях, обернув весла тряпьем, и напали на него сзади.

Все это, однако, ненадолго задержало Таргариенов: на их драконов врагам нечем было ответить. Жители Долины потопили почти треть кораблей Эйгона и столько же взяли в плен, но королева Висеня, спустившись на них с небес, зажгла их собственный флот. Мираксес спалил лес, где укрылись знаменосцы Штормового Предела, а сыновья Харрена, возвращаясь с победой к себе в Харренхолл, неожиданно увидели в небе Балериона и сгорели вместе со своими ладьями.

Кроме того, врагам Эйгона пришлось иметь дело не только с ним. Как только Аргилак Надменный собрал своих лордов в Штормовом Пределе, пираты со Ступеней тут же высадились на мысе Гнева, а с Красных гор через Марки хлынули дружины дорнийцев. Юному королю Роннелу пришлось подавлять мятеж на Трех Сестрах, чьи жители отказались подчиняться Долине и объявили леди Марлу Сандерленд своей королевой.

Но все это могло показаться безделицей по сравнению с участием, постигшей Харрена Черного. Его дом правил речными землями уже три поколения, но обитатели Трезубца не любили своих железных властителей. Харрен, погубивший при постройке Харренхолла многие тысячи подданных, забирал все подчистую и у лордов, и у простого люда; теперь они, пользуясь случаем, восстали против него под водительством лорда Эдмина Талли из Риверрана. Талли, призванный защищать Харренхолл, переметнулся к Таргариенам, поднял над замком драконье знамя и выступил со своими рыцарями и лучниками к Эйгону. Другие лорды Трезубца последовали его примеру. Блэквуды, Маллистеры, Венсы, Бракены, Пайперы, Фрей, Стронги собирали своих ополченцев и шли на Харренхолл вместе с Эйгоном Драконом.

Харрен Черный, оставшись без поддержки, ретировался в свою, как он полагал, неприступную крепость. Вестерос еще не видывал таких замков. Окруженный пятью гигантскими башнями бил неиссякаемый родник, огромные подвалы были набиты провизией. Ни одна лестница не достала бы до гребня его стен из черного камня, и были они столь толсты, что не поддались бы ни тарану, ни требушету. Харрен запер ворота и приготовился к осаде со своими оставшимися приверженцами и уцелевшими сыновьями.

Эйгон судил иначе. Окружив замок вместе с Эдмином Талли и другими речными лордами, он вызвал Харрена на переговоры под мирным знаменем. Тот вышел – старый, седой, но все еще грозный в своих черных доспехах. При каждом короле были мейстер и знаменщик, поэтому разговор их сохранился в веках.

«Сдайся, – сказал Эйгон, – и ты по-прежнему будешь править Железными островами. Сдайся, и твои сыновья будут править после тебя. Под твоими стенами стоит восьмидесятысячное войско».

«Стены мои прочны, и мне все равно, кто стоит под ними», – отвечал Харрен.

«Они не спасут тебя от драконов. Драконы умеют летать».

«Я строю из камня, а он не горит».

«Когда зайдет солнце, твой род прервется», – сказал Эйгон, а Харрен лишь плюнул и вернулся в замок. Он выставил на стены всех своих людей с копьями, луками и арбалетами, посулив земли и богатство тому, кто собьет дракона. «Жаль, что дочери у меня нет, – присовокупил он. – Вместо нее я отдам молодцу одну из дочерей Талли, а захочет, так и всех трех. Не любы они ему – пусть берет любую из девок Блэквуда, Стронга, хоть какого вылезшего из ила предателя». Затем он удалился к себе в башню в окружении своей стражи и сел с сыновьями ужинать.

Последние лучи солнца меркли. Люди Харрена всматривались в темнеющее небо, сжимая копья и луки. Не видя дракона, они начинали думать, что слова Эйгона были пустой угрозой, но король увел Балериона за облака, где тот казался не больше мухи на лунном диске, и лишь тогда стал снижаться над замком. Пронизав ночь на черных, как смола, крыльях, Балерион дохнул на башни Харренхолла клубами черного с красным пламени.

«Камень не горит», – хвастливо заявил Харрен, но его замок состоял не из одного камня. Дерево и шерсть, пенька и солома, зерно и солонина вспыхнули разом. Железные Люди тоже не были высечены из камня. Охваченные огнем, они с криками метались по дворам и падали с парашютов наземь. Да и сам камень при сильном жаре трескается и плавится. Речные лорды, стоявшие под стенами замка, после рассказывали, что пять харренхоллских башен раскалились докрасна, как пять огромных свечей... и точь-в-точь как свечи начали оплывать, истекая расплавленным камнем.

Харрен и его сыновья той ночью погибли в огне. С ними вместе погиб род Хоуров, и господство Железных островов над речными землями кончилось. Приняв клятву верности от лорда Риверрана Эдмина Талли у дымящихся руин Харренхолла, король Эйгон нарек его верховным лордом Трезубца. Другие речные лорды воздали им почести: Эйгону как королю, Талли как своему сюзерену. Когда пепел остыл и в замок можно стало войти, оплавленные мечи его защитников были собраны и отправлены в Эйгонфорт.

Но знаменосцы Штормового Предела на востоке и юге оказались более верными, чем васалы короля Харрена. Аргилак Надменный собрал большую рать, а стены крепости Дюррандонов были еще толще, чем харренхоллские. О конце своего старого врага Штормовой Король узнал весьма скоро, а лорды Фелл и Баклер (лорд Эррол погиб) принесли ему весть о королеве Рейенис и о ее драконе. Старый воин, выслушав их, взревел, что не даст себя зажарить в собственном замке, как поросенка. Он выступил навстречу врагу, дабы решить свою судьбу в открытом поле, с мечом в руке.

Орис Баратеона это не застало врасплох. Королева Рейенис, видевшая сверху, как Аргилак выходит из замка, сообщила деснице о численности и местоположении неприятеля. Орис занял сильную позицию на холмах у Бронзовых Врат и стал поджидать штормовое войско.

В день битвы штормовые земли оправдали свое название: с утра пошел дождь, а к полудню разразилась настоящая буря. Лорды-знаменосцы уговаривали короля Аргилака отложить бой до завтра – авось, дождь прекратится. Но Аргилак видел, что числом превышает врага почти вдвое, а рыцарей и тяжелой конницы у него и вовсе вчетверо больше. Знамена Таргариенов над его исконными холмами привели короля в бешенство, а ветер дул с юга, супостатам в лицо. Приняв все это в расчет, Аргилак дал приказ наступать, и началась битва, получившая после имя Последний Шторм.

Сражение затянулось до ночи. Здесь в отличие от Харренхолла потери несла не одна сторона, а обе. Трижды Аргилак шел приступом на позиции Баратеона, но боевые кони вязли на крутых склонах, размытых дождем. Пехотинцы с копьями были успешнее: завоеватели, которым дождь заливал глаза, поздно заметили их, а отсыревшие тетивы не позволяли стрелять из луков. Один крайний холм пал, за ним и второй. Аргилак со своими рыцарями двинулся на средний в четвертый раз – и наткнулся на Рейенис и Мираксеса. Дракон даже и на земле показал себя грозным убийцей: авангард под командованием Дикона Морригена и Бастарда из Черной Гавани вместе с личной гвардией короля Аргилака накрыла огненная волна. Кони в ужасе сбрасывали седоков, обращая атаку в хаос.

Сам Штормовой Король тоже вылетел из седла, но из боя не вышел. Когда Орис спустился со своими людьми по грязному склону, старый вояка один отбивался от полудюжины человек, а у ног его лежало столько же трупов. Баратеон, велев своим бойцам отойти, спешил и в последний раз предложил Аргилаку сдаться. Тот ответил бранью, и они сошлись в поединке: старый король с развевающейся белой гривой и кряжистый, чернобородый королевский дес-

ница. Каждый нанес рану другому, но затем желание последнего из Дюррандонов сбылось, и он умер с мечом в руке и с проклятием на устах. Гибель короля лишила штормовых жителей боевого духа: слыша, что Аргилак пал, лорды и рыцари бросали мечи и обращались в бегство.

Несколько дней все опасались, что Штормовой Предел постигнет судьба Харренхолла: дочь Аргилака Аргелла заперлась в замке и объявила себя Штормовой Королевой. «Скорее мы все поляжем до последнего, чем склоним колено», – сказала она королеве Рейенис, когда та прилетела поговорить с ней. «Вы можете взять мой замок, но достанутся вам лишь кости да пепел», – заявляла она. Солдаты гарнизона, однако, не разделяли решимости своей леди; в ту же ночь они подняли мирное знамя, открыли ворота и доставили Аргеллу – нагую, в цепях и с кляпом во рту – в лагерь Ориса.

Тот будто бы расковал девицу своими руками, закутал в плащ, налил ей вина и рассказал о доблестной кончине ее отца. В знак уважения к павшему королю он взял себе его герб и девиз. Коронованный олень стал его эмблемой, Штормовой Предел – поместьем, леди Аргелла – женой.

Когда и речные, и штормовые земли покорились Эйгону Дракону, оставшиеся короли поняли, что пришел их черед. Король Торрхен в Винтерфелле созвал знамена, но дело это было нескорое, ибо расстояния на Севере велики. Королева Шарра, регентша при своем сыне Роннеле, укрылась в Орлином Гнезде и отправила войско к Кровавым Воротам, единственному входу в Долину. В юности ее называли Горным Цветком, красивейшей девой во всех Семи Королевствах. Надеясь пленить Эйгона былой красотой, она послала ему свой портрет и предложила себя ему в жены при условии, что сын ее Роннел станет его наследником. Портрет Эйгон получил, но на предложение, судя по всему, ответить не соизволил. У него уже были две королевы, а цветочек Шарры, десятью годами старше его, порядком увял.

Между тем два великих короля Запада объединили свои войска, намереваясь раз и навсегда разбить Эйгона. Мерн IX из дома Гарденеров, Король Простора, выступил из Хайгардена и под стенами Золотой Роши, усадьбы Рованов, встретился с Лореном I Ланнистером, Королем Скалы. Вместе они составили армию, какой еще не знал Вестерос: пятьдесят пять тысяч человек, в том числе шестьсот лордов, великих и малых, и больше пяти тысяч конных рыцарей. «Наш железный кулак» – так называл эту конницу король Мерн. Четверо его сыновей ехали вместе с ним, оба внука служили оруженосцами.

Короли не задержались надолго у Золотой Роши: такой величины войско должно было постоянно оставаться на марше, чтобы не объесть всю округу. Союзники двинулись на северо-восток через высокие травы и золотые поля пшеницы.

Предупрежденный об их приближении в своем лагере у Божьего Ока Эйгон вышел им навстречу со своим войском. Людей у него было впятеро меньше, да и те большей частью были ополченцами речных лордов, чья верность дому Таргариенов не подвергалась еще серьезному испытанию – зато с меньшим войском он двигался быстрее, чем неприятель. В городе Каменная Септа он встретился с обеими королевами: Рейенис прибыла из Штормового Предела, Висенья – с мыса Раздвоенный Коготь, где принимала присягу у множества местных лордов. Понаблюдав сверху за переправой своего войска через Черноводную, трое Таргариенов помчались на юг.

Обе армии сошлись на широкой равнине к югу от Черноводной, где позднее проложили Золотую дорогу. Два короля возрадовались, когда разведчики донесли им о невеликих силах Таргариена и о недостатке в его рядах лордов и рыцарей. Ровное поле битвы, покрытое травами и колосьями, было превосходнейшим местом для атаки тяжелой конницы. Эйгон в отличие от Ориса Баратеона не укрепился на высоте, и почва была сухая, ибо дождей в тех местах не выпадало уже две недели.

Король Мерн, который привел на войну в полтора раза больше людей, чем король Лорен, потребовал себе почетного места в центре. Сын его и наследник Эдмунд командовал авангар-

дом, король Лорен со своими рыцарями поместился на правом крыле, лорд Окхарт на левом. При отсутствии всяких природных препятствий они собирались ударить по Эйгону с обоих флангов и обойти его сзади, в то время как «железный кулак», тяжелый клин лордов и рыцарей, разгромит его центр.

Войско Эйгона напоминало ошестинившийся копьями и пиками полумесяц. За ним стояли лучники и арбалетчики, на флангах – легкая кавалерия. Командиром Эйгон поставил Джона Моутона, лорда Девичьего Пруда – одного из первых, перешедших на его сторону. Король-Дракон тоже заметил, что дождя давно не было и травы с колосьями на поле сражения пересохла на славу.

Враг затрубил в трубы, и на поле выплеснулось целое море знамен. Впереди ехал сам король Мерн на золотом жеребце, его сын Гавен нес знамя Гарденеров – зеленую руку на поле пшеницы. Под рев рогов и гром барабанов западное войско врзалось в копейщиков Таргариена, а Эйгон и его сестры поднялись в воздух.

Пока Балерион раз за разом в туче копий, стрел и камней поливал огнем ряды неприятеля, Висенья и Рейенис подожгли поле и спереди от врага, и сзади. Дым окутал конницу, ослепив скакунов вместе с всадниками, огонь надвигался с обеих сторон, а люди Моутона, спокойно стоя с наветренной стороны, добивали копиями и стрелами заживо горящих людей.

После это сражение назвали битвой на Огненном Поле.

Больше четырех тысяч погибли в пламени, еще тысяча – от мечей, копий и стрел. Десятки тысяч получили ожоги, отметившие многих до конца их дней. Король Мерн IX сгорел вместе со своими сыновьями, внуками и прочей родней. Один из его племянников скончался от ожогов три дня спустя, и вместе с ним пресекся род Гарденеров. Лорен, Король Скалы, видя, что битва проиграна, промчался сквозь огненную завесу и остался в живых.

Таргариены потеряли менее сотни. Королеве Висенье стрела попала в плечо, но она скоро поправилась. Пока драконы пожирали тела убитых, Эйгон распорядился собрать мечи павших и отправить их вниз по реке.

На другой день взяли в плен Лорена Ланнистера. Тот сложил свой меч и корону к ногам Эйгона, склонил колени и присягнул Таргариену на верность. Эйгон, верный своему слову, поднял его, оставил за ним его земли и нарек лордом Бобрового Утеса и Хранителем Запада. Уцелевшие лорды Простора и знаменосцы Лорена последовали примеру побежденного короля.

Но не весь еще Запад был завоеван. Эйгон, расставшись с сестрами, повел войско на Хайгарден, чтобы захватить его, упредив других претендентов. Стюард-управитель Харлен Тирелл, чьи предки веками служили Гарденерам, вручил ему ключи от замка без боя, Эйгон же в награду пожаловал ему Хайгарден со всеми землями, наименовав его верховным лордом Мандера и Хранителем Юга. Так бывший стюард получил власть над всеми вассалами дома Гарденеров.

Король Эйгон собирался идти на юг, чтобы покорить Старомест, Бор и Дорн, но весть о новой угрозе заставила его передумать. Торрхен Старк, Король Севера, миновал Перешеек и вступил на речные земли с тридцатитысячной ратью. Эйгон тут же двинул свое войско навстречу ему, летя впереди на Балерионе. Обеим королевам и всем лордам и рыцарям, перешедшим к нему после Харренхолла и Огненного Поля, также приказано было выступить.

Торрхен Старк, выйдя к Трезубцу, увидел на южном берегу войско, в полтора раза превышавшее его собственное. Все лорды Простора, Запада, речных и штормовых земель собрались здесь, а над их лагерем выписывали круги Балерион, Вхагар и Мираксес.

Разведчики Торрхена видели руины Харренхолла, где под грудами щебня еще тлел огонь. Об Огненном Поле король тоже немало слышал. Он понимал, что при попытке перейти реку его ждет та же судьба. Одни из его лордов-знаменосцев все же побуждали Торрхена наступать, уверяя, что для северной доблести нет преград, другие советовали отступить ко Рву Кейлин и

встретить врага там, на родной земле. Побочный брат короля Брендон Сноу вызвался скрытно переплыть реку ночью и перебить драконов во сне.

Король и впрямь послал его за реку, но не ради убийства, а ради переговоров. Брандона сопровождали три мастера. Всю ночь послания летали туда-сюда, а утром Торрхен Старк сам пересек Трезубец. Опустившись на колени, он сложил древнюю корону Королей Зимы к ногам Эйгона и поклялся ему в верности. Поднялся он уже не королем, но лордом Винтерфелла и Хранителем Севера. В историю он вошел как Король, Преклонивший Колено, зато ни один северянин не оставил своих обугленных костей у Трезубца, и мечи, которые забрал у людей Старка король Эйгон, не были скручены и оплавлены.

Эйгон и его королевы вновь разлучились. Эйгон опять пошел на юг к Староместу, Висеня полетела в Долину, Рейенис – в Солнечное Копье.

Шарра Аррен тем временем укрепила Чаячий город, поставила у Кровавых Ворот сильное войско, устроила гарнизоны в Каменном, Снежном и Небесном замках, что стоят на пути к Гнезду. Висеня, однако, без препон пролетела над ними и опустилась на внутренний двор замка Шарры. Когда королева-регентша поспешила к ней с дюжиной стражников, на коленях у Висени сидел Роннел Аррен. «Матушка, можно мне полетать с этой леди?» – спросил венценосный ребенок. До угроз и гневных слов не дошло. Королевы обменялись улыбками, и леди Шарра велела принести три короны: свою регентскую, маленькую сыновью и соколиную дома Арренов, которую Короли Горы и Долины носили тысячу лет. Все они, вместе с мечами королевского гарнизона, были вручены королеве Висеня, и маленький король, трижды облетев с нею вокруг вершины Копья Гиганта, сделался маленьким лордом. Так Висеня Таргариен привела Долину Аррен под знамена своего брата.

Рейенис не столь посчастливилось. Принцев перевал, врата Красных гор, обороняли дорнийские копейщики; Рейенис, не тронув их, пролетела над красными песками, над белыми, над рекой Вервие – и нашла замок Красные Дюны пустым и покинутым. В городке под его стенами оставались только женщины, дети и старики. На вопрос, куда подевались их господа, они отвечали кратко: «Ушли». Рейенис долетела до Дара Богов, усадьбы дома Аллирионов, но и там никого не нашла. Королева продолжала свой путь. При впадении реки Зеленая Кровь в море она увидела тысячи гребных лодок, плоскодонок и баржей; связанные вместе веревками и цепями, они составляли плавучий Дощатый город, но лишь горстка старух с ребятишками вышла поглядеть на Мираксеса.

В конце концов она добралась до Солнечного Копья, древней резиденции дома Мартеллов. В замке, также покинутом, ее ждала принцесса Дорнийская. Мери Мартелл, по словам мастеров, сравнялось восемьдесят годов, и шестьдесят из них она правила Дорном. Рейенис видела перед собой необычайно толстую, слепую, лысую женщину с желтой обвисшей кожей. Аргилак Надменный прозвал Мерию желтой дорнийской жабой, но ни годы, ни слепота не притупили ее ума.

«Я не стану сражаться с вами, но и колен не склоню, – сказала она королеве Рейенис. – Скажи своему брату, что в Дорне нет короля».

«Скажу, – отвечала Рейенис, – но мы вернемся, принцесса, и с нами придут пламя и кровь».

«Я помню девиз вашего дома, – сказала Мери, – но наш гласит “Непреклонные, негибаемые, несдающиеся”. Вы можете сжечь нас, миледи, но не заставите склониться и не согнете. Это Дорн, и вам здесь не рады. Возвращайтесь, если осмелитесь».

На том королева с принцессой расстались, и Дорн остался непокоренным.

Эйгон на западе встретил более теплый прием. Старомест, величайший город Вестероса, окружали прочные стены, а правили им Хайтауэры – древнейший, богатейший и самый могущественный из знатных домов Простора. Старомест был также средоточием Истинной Веры. Там жил верховный септон, наместник новых богов на земле, духовный отец всех Семи Коро-

левств (лишь Север, где еще имели силу старые боги, не подчинялся ему). Там же помешались два воинских ордена Веры, называемые в народе Мечами и Звездами.

Но Таргариен, подойдя к городу, нашел его ворота открытыми, и у них ждал лорд Хайтауэр, готовый сдаться новому королю. Верховный септон, получив весть о высадке Эйгона, заперся в Звездной септе, где провел семь дней и семь ночей, вкушая лишь хлеб и воду и переходя с молитвой от алтаря к алтарю. На седьмой день Старица осветила ему путь своей золотой лампадой. Выйдя из септы к народу, его святейшество сказал так: «Если Старомест восстанет против короля Эйгона, он будет сожжен, а замок Хайтауэров, Цитадель и Звездная септа обратятся в руины».

Манфред Хайтауэр, лорд Староместа, был человек осторожный и богобоязненный. Один из младших его сыновей состоял в Сынах Воина, или Мечах, другой только что принес септонские обеты. Услышав откровение верховного септона, лорд решил не сопротивляться Завоевателю – потому-то никто из жителей Староместа и не сгорел на Огненном Поле, хотя Хайтауэры были знаменосцами Хайгардена. По той же причине лорд ожидал Эйгона у ворот Староместа, чтобы вручить ему свой меч и свой город. (Говорят, будто Хайтауэр также предложил королю руку своей меньшей дочери, но Эйгон вежливо отказался, не желая обидеть двух своих королев.)

Три дня спустя его святейшество в Звездной септе помазал Эйгона семью елями, возложил на его голову корону и провозгласил его Эйгоном из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. (Эйгон с самого начала назывался владельцем *Семи Королевств*, хотя Дорн Таргариены покорили лишь век спустя.)

Первую коронацию Эйгона на Черноводной видели лишь немногие лорды, на второй же они исчислялись сотнями, и десятки тысяч горожан приветствовали нового короля, когда он ехал по Староместу верхом на Балерионе. На коронации присутствовали также многие мейстеры и архимейстеры Цитадели. По всем этим резонам началом царствования Эйгона Таргариена принято считать вторую коронацию в Староместе, а не первую в Эйгонфорте и не день его высадки.

Так, волей Эйгона Завоевателя и сестер его, Семь Королевств были спаяны в единое государство.

Многие полагали, что Эйгон по окончании войн сделает своей резиденцией Старомест. Другие думали, что он будет править страной с Драконьего Камня, древней островной цитадели дома Таргариенов. Король же, удивив всех, объявил, что столицей его станет новый город, что уже рос под тремя холмами в устье реки Черноводной, где он с сестрами впервые ступил на вестеросскую землю. Столица получила имя Королевская Гавань, и Эйгон правил там, восседая на троне, который ему сковали из оплавленных, сломанных, скрученных мечей его бывших врагов. Этот престол, небезопасный для всех, кто сидел на нем, стал известен всему миру как Железный Трон Вестероса.

Войны короля Эйгона I

Долгое правление Эйгона Завоевателя (1–37 гг. ОЗ) в целом было мирным, особенно в последние годы, но Драконову миру, как нарекли после мейстеры Цитадели двадцать лет перед его кончиной, предшествовали Драконовы войны – и столь жестокой и кровопролитной, как последняя из оных, еще не видывал Вестерос.

Считается, что Завоевательные войны завершились в тот день, когда верховный септон в Звездной септе Староместа помазал Эйгона на царство, однако еще не все Семь Королевств покорились Завоевателю.

Лорды Трех Сестер в заливе Укус, пользуясь случаем, объявили себя независимыми и нарекли леди Марлу Сандерленд своей королевой. Поскольку почти весь флот Арренов погиб во время Завоевания, король приказал подавить Сестринский мятеж своему Хранителю Севера, Торрхену Старку из Винтерфелла. Северяне отплыли из Белой Гавани на галеех, нанятых в Браавосе, под командованием сира Уоррика Мандерли. Сестринцы, завидев в море их паруса, а в небе королеву Висенью на Вхагаре, устрашились и низложили королеву Марлу в пользу ее младшего брата. Стеффон Сандерленд заново принес присягу дому Арренов, склонил колена перед Висеньей и отдал в заложники своих сыновей: одного в дом Мандерли, другого в дом Арренов. Низложенную королеву, его сестру, заключили в тюрьму. Через пять лет ей вырезали язык, и остаток своих дней она провела Молчаливой Сестрой, обихаживая покойников благородного звания.

На другом конце Вестероса взволновались Железные острова. Род Хоуров, долгие века правивший ими, угас за одну ночь, когда Эйгон спалил Харренхолл драконьим огнем. После гибели Харрена Черного и его сыновей Кхорин Вольмарк, мелкий лорд с острова Харло, чья бабка приходилась младшей сестрой деду Харрена, объявил себя королем и законным наследником «черных».

С этим согласились далеко не все Железные Люди. Жрецы, собравшись на Старом Вике под ребрами морского дракона Нагги, увенчали короной из плавника своего собрата, босоногого Лодоса, объявившего себя сыном Утонувшего Бога и чудотворцем. На Большом Вике, Пайке и Оркмонте явились свои претенденты, и все они больше года сражались между собой на суше и на море. Говорят, будто у островов плавало столько трупов, что кракены сотнями стекались туда.

Эйгон положил конец междоусобице, прилетев на острова во 2 году ОЗ. За королем и Балерионом шли флотилии Бора, Хайгардена, Ланниспорта и даже несколько ладей с Медвежьего острова, присланные Торрхеном Старком. Железные Люди, которых сильно поубавилось после годовой братоубийственной войны, сопротивления почти не оказывали – многие даже приветствовали вмешательство короля. Эйгон убил Кхорина Вольмарка Черным Пламенем, но позволил его сыну-младенцу унаследовать отцовские земли и замок. Король-жрец Лодос воззвал к своему богу, чтобы тот послал кракенов потопить корабли Эйгона; не дождавшись их, он повесил камень на шею и вошел в море «посоветоваться с отцом». За ним последовали многие тысячи, и раздутые тела утопленников годами прибывало к берегам Старого Вика.

Кому же предстояло править Железными островами? Королю предлагали сделать их вассалами Талли из Риверрана, Ланнистеров из Бобрового Утеса и даже Старков из Винтерфелла. Эйгон, выслушав всех советчиков, решил в конце концов, что позволит островитянам самим выбрать себе правителя. Их выбор, что неудивительно, пал на одного из своих: Викона Грейджоя, Лорда-Жнеца с Пайка. Лорд Викон присягнул Эйгону на верность, и король отбыл восвояси вместе со своим флотом.

Власть Грейджоя простиралась лишь на Железные острова: от всех земель, захваченных домом Хоуров на материке, он отрекся. Разрушенный замок Харренхолл со всеми его угодами

Эйегон пожаловал сиру Квентону Квохорису, мастеру над оружием Драконьего Камня, при условии, что тот признает своим сюзереном лорда Эдмина Талли. Новоиспеченный лорд Квентон имел двух крепких сыновей и здорового внука, но поскольку жена его три года назад скончалась от язвенной лихорадки, он женился вторично на одной из дочерей дома Талли.

После умирения Трех Сестер и Железных островов Эйегон стал правителем всего Вестероса к югу от Стены, исключая один только Дорн. На него-то и обратился взор короля-дракона. Поначалу Эйегон попытался завоевать Дорн словами, послав в Солнечное Копье к принцессе Мери Мартелл, прозванной желтой дорнийской жабой, высоких лордов, мастеров и септонов. Послы должны были убедить ее в выгодах присоединения Дорна к остальным шести королевствам, но переговоры, длившиеся чуть ли не год, успеха не возымели.

Начало Первой Дорнской войны относят к 4 году ОЗ, когда Рейенис Таргариен вновь прилетела в Дорн. На сей раз, верная своему слову, она принесла непокорным пламя и кровь. Слетев с ясного неба на Мираксесе, королева зажгла Дошатый город. Огонь перекидывался с лодки на лодку, горящие обломки запрудили устье Зеленой Крови, и даже в далеком Солнечном Копье был виден дымовой столб. Жители плавучего города искали спасения в водах реки; погибли всего около ста человек, да и те большей частью утонули, а не сгорели, однако первая кровь пролилась.

Орис Баратеон тем часом двинулся с тысячью отборных рыцарей по Костяному Пути, сам же Эйегон вел через Принцев перевал тридцатитысячное войско, во главе коего шли две тысячи конных рыцарей и триста лордов со своим ополчением. Лорд Харлен Тирелл, Хранитель Юга, заявлял во всеуслышание, что с такими силами они могли бы разбить любую дорнийскую рать даже и без Эйегона с Балерионом.

Возможная правота его слов так и не нашла подтверждения, ибо ни одного сражения дорнийцы Таргариенам не дали. Они попросту отступали, сжигая урожай на полях и отравляя колодцы. Сторожевые башни в Красных горах стояли пустые, перевалы загромождались ободранными овечьими тушами, протухшими и непригодными для еды. Спустившись с Принцева перевала в пески, Эйегон, чьи запасы пищи и корма подходили к концу, разделил свое войско. Сам он пошел на восток, намереваясь взять Поднебесный, твердыню Фаулеров, а лорда Тирелла отправил на юг к Адову Холму, замку Утора Уллера.

Шел второй год осени; Тирелл надеялся, что с приходом зимы зной в пустыне смягчится и воды станет больше, но дорнское солнце обмануло его ожидания. На такой жаре люди и животные пили много, а все колодцы в оазисах оказывались отравленными. Сначала начали гибнуть кони, следом и всадники. Гордые рыцари бросали свои знамена и щиты, сбрасывали доспехи. Потеряв почти всех лошадей и четверть людей, Тирелл нашел Адов Холм покинутым.

Не посчастливилось и Орису Баратеону. Кони с трудом одолевали каменистые склоны и вовсе отказывались подниматься на самых крутых участках, где были вырублены ступени. Сверху на рыцарей градом сыпались камни, но самих дорнийцев они ни разу не видели. Когда же пришельцы вступили на мост через реку Вайл, на них со всех сторон посыпались уже не камни, а стрелы. Лорд Баратеон приказал отступать, но путь назад отрезал горный обвал, и рыцарей начали резать, словно свиней в загоне. Пощадили только самого Ориса и еще дюжину лордов, за которых могли дать богатый выкуп. Их отвели в Каменный Путь, замок Вайла, свирепого горного лорда по прозвищу Вдоволюб.

Поход Эйегона сложился удачнее. Пройдя через предгорья, где бежали полноводные потоки и водилось множество дичи, он взял штурмом Поднебесный, а после краткой осады занял и Айронвуд. Замок Тор ему сдал без боя стюард умершего недавно лорда Джордейна. Лорд Толанд из Призрачного Холма выслал навстречу королю своего бойца, чтобы вызвать Эйегона на поединок. Король принял вызов и сразил своего противника, но узнал вскоре, что то был не первый боец, а шут. Сам лорд со своим семейством покинул замок.

Точно так же поступила и Мерия, принцесса Дорнийская. Эйегон, прилетев в Солнечное Копье, нашел там свою сестру Рейенис. После поджога Дошatego города она покорила Лимонную Рощу, Крапчатый Лес и Стоячий Пруд, где видела одних лишь малых детей и старух, осыпавших ее проклятиями. Теневой город под стенами Солнечного Копья тоже наполовину опустел, а оставшиеся жители уверяли, что знать не знают, куда подевались принцесса и ее лорды. «Желтая жаба зарылась в песок», – доложила королю Рейенис.

В ответ на все это Эйегон провозгласил себя победителем. Собрав в великом чертоге Солнечного Копья немногих дорнийских сановников, он сказал им, что Дорн отныне становится частью его государства, а они – его подданными. Непокорившиеся лорды объявлялись мятежниками, стоящими вне закона; за их головы, в особенности за голову принцессы Мерии, предлагалась награда. Лорд Джон Росби, назначенный кастеляном Солнечного Копья и Хранителем Пустыни, оставался править Дорном от имени короля. Поставив своих стюардов и кастелянов во всех прочих завоеванных замках, король с войском отправился домой тем же путем, через предгорья и Принцев перевал.

Не успели они дойти до Королевской Гавани, как Дорн взбунтовался. Откуда ни возьмись там появились сотни воинов с копьями – так появляются цветы в пустыне после дождя. Поднебесный, Айронвуд, Тор и Призрачный Холм отвоевали обратно за две недели, королевские гарнизоны вырезали, стюардов и кастелянов замучили; им отрубали одну часть тела за другой, а дорнийские лорды бились об заклад, чей пленник протянет дольше. Лорда Росби, кастеляна Солнечного Копья, постигла более милосердная смерть. Дорнийцы, нахлынув в замок из теневого города, связали его по рукам и ногам, и не кто иной, как сама престарелая принцесса, столкнула его вниз с башни.

В живых оставался только лорд Тирелл со своими людьми. Считалось, что замок Адов Холм на реке Серной может выдержать любую осаду, но от рыбы, выловленной в сернистых водах реки, хайгарденцы маялись животами. Копейщики лорда Кворгила из непокоренного Песчаника убивали фуражиров, пытавшихся достать съестное на западе, Вейты из Красных Дюн делали то же самое на востоке. Когда до Адова Холма дошла весть о кастеляне, сброшенном с башни, Тирелл двинулся на Красные Дюны, намереваясь взять этот замок, пройти на восток вдоль реки, отбить Солнечное Копье у дорнийцев и наказать убийц лорда Росби. Намерения эти пропали втуне, ибо лорд бесследно сгинул в красных песках вместе со всем своим войском.

Эйегон Таргариен был не таков, чтобы признать поражение. Война, затянувшаяся на целых семь лет, после 6 года ОЗ выродилась в цепь бесконечных стычек, набегов и убийств, перемежающихся долгим бездействием и дюжиной перемирий.

В 7 году Ориса Баратеона и других лордов, попавших в плен на Костяном Пути, выкупили, заплатив за каждого его вес в золоте, но по их возвращении оказалось, что Вдоволоб отсек каждому правую руку, дабы они не могли впредь поднять оружие против Дорна. Эйегон, вознамерившись отомстить, обрушился с Балерионом на горные крепости Вайлов, превратив их в груды расплавленного камня. Сами Вайлы, однако, отсиделись в пещерах и подземных ходах, а Вдоволоб после того прожил еще двадцать лет.

В 8 году, в пору великой засухи, дорнийцы переплыли через море на кораблях, которые предоставил им пиратский главарь со Ступеней, разграбили дюжину городков и деревень на южной стороне мыса Гнева и сожгли половину Дождливого леса. «Огонь за огонь», – высказалась по этому случаю принцесса Мерия.

Этого Таргариены стерпеть не могли. В том же году дорнийцы увидели в небе королеву Висенью, и огненное дыхание Вхагара загло Солнечное Копье, Лимонную Рощу, Призрачный Холм и Тор.

Вернулась она и на будущий год в сопровождении самого Эйегона. На сей раз запылали Красные Дюны, Песчаник и Адов Холм.

Дорнийцы дали на это ответ в следующем, 10 году. Лорд Фаулер прошел через Принцев перевал и вторгся в Простор. Передвигаясь очень быстро, он сжег множество деревень и захватил большой пограничный замок Ночная Песнь еще до того, как марочные лорды узнали о его появлении. Когда весть о вторжении достигла Староместа, лорд Хайтауэр послал своего сына Аддама отвоевать замок, но дорнийцы предвидели это, и лорд Джоффри Дейн из Звездапада подступил к самому Староместу. Городские стены он не мог одолеть, но выжег поля и деревни на двадцать лиг вокруг и убил юного Гармона, младшего сына лорда, возглавившего вылазку против неприятеля. Сир Аддам, придя в Ночную Песнь, увидел, что Фаулер предал замок огню, его гарнизон мечу, а лорда Карона с женой и детьми увел в плен. Отказавшись от погони, сир Аддам поспешил назад, чтобы избавиться от врага Старомест, но Дейн со своим войском уже скрылся в горах.

Старый Манфред Хайтауэр вскоре умер, и сир Аддам стал лордом Высокой Башни. Старомест взывал о мщении; Эйгон вылетел в Хайгарден посоветоваться с Хранителем Юга, но молодой лорд Тео Тирелл, памятуя о судьбе своего отца, отнюдь не горел желанием идти в Дорн.

Тогда король снова прибег к драконам. Сам он полетел в Поднебесный, поклявшись превратить замок Фаулеров во второй Харренхолл, Висеня принесла пламя и кровь в Звездапад, Рейенис же предприняла вторую атаку на Адов Холм, не ведая, что ее там ожидает.

Драконы Таргариенов, взращенные для битв, привыкли летать сквозь тучи стрел и копий без особого вреда для себя. Чешуя взрослого дракона прочнее стали, и даже те стрелы, что попадают в цель, только разжигают ярость огненных чудищ. Но защитник Адова Холма выстрелил из скорпиона с самой высокой башни, и железный болт длиной в целый ярд попал Мираксесу в правый глаз. Рухнув наземь в предсмертных судорогах, дракон снес и башню, и немалую часть крепостной стены.

Остается спорным, пережила ли Рейенис своего дракона. Одни говорят, что она сорвалась с него и разбилась насмерть, другие – что он раздавил ее своей тушей. Говорят также, что королева осталась жива и была медленно замучена в темницах Уллеров. Подлинных обстоятельств ее кончины мы скорее всего никогда не узнаем; известно лишь, что Рейенис Таргариен, сестра и жена Эйгона Первого, погибла в Адовом Холме в 10 году ОЗ.

Два последующих года известны как времена Драконова Гнева. Каждый дорнский замок горел еще трижды, пески вокруг Адова Холма от огненного жара обратились в стекло. Хозяева замков прятались глубоко под землей, но это их не спасало: лорда Фаулера, лорда Вейта, леди Толанд и четырех владетелей Адова Холма убили одного за другим, ибо Железный Трон назначил щедрую награду за голову любого дорнского лорда. Надо сказать, что лишь двое убийц выжили, чтобы получить свое золото, и за каждую кровь дорнийцы платили кровью. Лорд Коннингтон из Гриффин-Руста был убит на охоте, Мертинса из Туманного Леса со всеми его домочадцами умертвил бочонок отравленного вина, лорда Фелла удавили в столичном борделе.

Не составили исключения и сами Таргариены. На Эйгона покушались не меньше трех раз – он погиб бы, не будь при нем его гвардии. При нападении на королеву Висеню пали двое ее гвардейцев, но последнего из негодяев она сама сразила Темной Сестрой.

Самое гнусное злодеяние тех кровавых времен свершилось в 12 году ОЗ. Вайл из Каменного Пути, прозванный Вдоволюбом, явился незванный на свадьбу сира Джона Кафферена, наследника Фаунтона, и Алис Окхарт, дочери лорда Старой Дубравы. Дорнийцы, впущенные слугой-предателем через калитку замка, убили лорда Окхарта и почти всех гостей, оскотили молодого мужа на глазах у жены. Саму леди Алис с ее служанками изнасиловали всем скопом и продали мирийскому работоторговцу.

Дорн к тому времени превратился в дымящуюся пустыню, терзаемую голодом и чумой. «Гиблой землей» называли его купцы Вольных Городов, однако дорнийцы, верные своему

девизу, оставались «непреклонными, несгибаемыми, несдающимися». Один рыцарь из Дорна, попавший в плен, заявил королеве Висенье, что принцесса Мерия прежде увидит дорнийцев мертвыми, нежели рабами Таргариенов. Принцесса отвечала, что они с братом охотно исполнят ее желание.

Но возраст и болезни совершили наконец то, что оказалось не под силу вражеским войскам и драконам. В 13 году ОЗ Мерия Мартелл скончалась в своей постели (во время плотских сношений с жеребцом, как утверждали ее враги). Лордом Солнечного Копья и принцем Дорнийским стал ее сын Нимор, сам уже шестидесятилетний, слабый здоровьем и не желающий более воевать. Первым же делом он отправил в Королевскую Гавань посольство с черепом дракона Мираксеса и предложением мира. Возглавила послов его дочь Дерия.

При дворе Эйгона его условия нашли неприемлемыми. «Никакого мира, пока они не сдадутся», – заявила королева Висенья, и королевский совет поддержал ее. Орис Баратеон, сильно ожесточившийся в свои последние годы, желал отправить принцессу Дерию к отцу без правой руки, а лорд Окхарт и вовсе прислал ворона с предложением «отдать дорнийскую девку в нижайшего пошиба бордель, где ее могли бы иметь все городские нищие». Король был иного мнения. Принцесса прибыла под мирным знаменем, сказал он, и не потерпит под его кровом никакого вреда.

Все сходились на том, что король устал от войны, но заключение мира без полной капитуляции равнялось признанию, что любимая сестра его Рейенис погибла напрасно, что незачем было лить столько крови и предавать Дорн огню. Лорды-советники предостерегали Эйгона, что подобный мир сочтут проявлением слабости и за ним последуют новые мятежи. Эйгон и сам понимал, что Простор, штормовые земли и Марки, много претерпевшие от войны, ничего не забудут и не простят. Даже здесь, в Королевской Гавани, он отпускал дорнийцев в город лишь под сильной охраной, опасаясь, что чернь растерзает их в клочья. По всем этим причинам, как написал позднее великий мейстер Люкан, король склонялся к тому, чтобы отвергнуть предложенный принцем мир и воевать дальше.

Тогда Дерия вручила ему запечатанное письмо своего отца, сказав: «Оно предназначено для вашего величества и ни для кого более».

Эйгон прочел письмо на Железном Троне, в присутствии своего двора. Лик его остался непроницаемым, но на пораненной о трон руке проступила кровь. Он сжег письмо, вылетел на Драконий Камень, а вернувшись, согласился на все условия Нимора и подписал вечный мир с Дорном.

Никто и по сей день не знает, что было в письме. Одни полагают, будто принц всего лишь нашел в своем отцовском сердце слова, тронувшие отцовское сердце Эйгона. Другие утверждают, что Нимор привел там список всех лордов и рыцарей, погибших во время войны. Некоторые септоны заходят так далеко, что объявляют послание заколдованным: желтая жаба-де написала его перед смертью, использовав вместо чернил кровь королевы Рейенис, и король не устоял перед ее черной магией.

Великий мейстер Клегг, приехавший в Королевскую Гавань двадцать лет спустя, пришел к выводу, что у Дорна не осталось больше сил для борьбы, и доведенный до отчаяния Нимор чем-то пригрозил королю. Например, тем, что закажет Безликим из Браавоса убить сына его от Рейенис, шестилетнего наследного принца Эйениса. Возможно, это и так, но точно мы никогда не узнаем.

Так закончилась Первая Дорнская война (4–13 гг. ОЗ).

Желтая дорнийская жаба сделала то, чего не удалось Харрену Черному, двум бывшим королям и Торрхену Старку: победила Эйгона Таргариена с его драконами. Однако к северу от Красных гор ее стратегия встречала одно лишь презрение. Слова «дорнийская доблесть» стали там определением трусости. «Жаба, когда ей грозит опасность, забивается в нору», – говорится в одной из летописей. «Мерия сражалась по-женски, с помощью лжи, измены и кол-

довства», – читаем в другой. Победа Дорна (если можно ее так назвать) считалась бесчестной; сыновья и братья тех, кто пал на войне, говорили, что когда-нибудь еще поквитаются с подлецами-южанами.

Час мщения настал, однако, нескоро, при более молодом и воинственном короле. Эйгон Первый просидел на Железном Троне еще двадцать четыре года, но война с Дорном стала последней из его войн.

Три головы дракона: правление первых Таргариенов

Эйегон Таргариен был прославленным воином и величайшим завоевателем, однако самые великие его достижения многие относят к мирному времени. Железный Трон, согласно пословице, ковался в крови и пламени, но стал седалищем правосудия, как только остыл.

Примирение Семи Королевств под властью Таргариенов было краеугольным камнем политики Эйегона. С этой целью он собрал к себе мужей (и даже нескольких женщин) со всего государства. Прежних врагов поощряли присылать ко двору детей (хотя бы и младших, ибо наследников лорды предпочитали оставлять дома). Мальчики служили оруженосцами и пажами, девочки – камеристками и фрейлинами двух королей Эйегона. Они становились свидетелями справедливого королевского суда и приучались думать о себе как о подданных единого королевства, а не как о жителях Запада, штормовых земель или Севера.

Таргариены старались также заключать браки между отпрысками домов из разных концов страны в надежде, что такие союзы сплотят семь королевств в одно. Занимались этим большей частью королевы – Висеня и Рейенис. Благодаря их усилиям юный Роннел Аррен, лорд Орлиного Гнезда, взял в жены дочь Торрхена Старка из Винтерфелла, а Лорен Ланнистер, наследник Бобрового Утеса, женился на дочери Редвина из далекого Бора. Девочек-тройняшек Вечерней Звезды с Тарга Рейенис обручила с сыновьями Корбреев, Хайтауэров и Харло, Висеня же устроила двойную свадьбу между домами Блэквудов и Бракенов, чья вражда продолжалась веками. Сын каждого дома брал в жены дочь другого для скрепления мира. Когда девица Рован на службе у Рейенис понесла от поваренка, королева нашла в Белой Гавани рыцаря, готового взять ее за себя, а в Ланниспорте – другого, согласного принять ее ребенка на воспитание.

Никто не сомневался в том, что окончательное решение принадлежит Эйегону, но Висеня и Рейенис помогали ему во всем. Ни одна королева в истории Вестероса, исключая разве Алисанну, жену Джейхериса I, не оказывала такого влияния на политику государства, как сестры Дракона. В каждую поездку по стране Эйегон брал одну из них, в то время как другая замещала его на Железном Троне.

Король, объявив Королевскую Гавань своей столицей и воздвигнув трон в дымном чертоге Эйегонфорта, проводил там не более четверти года. Ровно столько же времени он уделял Драконьему Камню, гнезду своих предков. Замок под Драконьей горой, в десять раз больше Эйегонфорта, был к тому же намного удобней и безопасней. Завоеватель говаривал, что любит самый воздух Драконьего Камня, где соль смешана с серой и дымом подземных огней.

Вторую половину года Эйегон посвящал путешествиям. Вместе с двором он переезжал от замка к замку, гостя у всех великих лордов поочередно. Чайный город и Орлиное Гнездо, Харренхолл, Риверран, Ланниспорт и Бобровый Утес, Кракхолл, Старая Дубрава, Хайгарден, Старомест, Бор, Рогов Холм, Эшфорд, Штормовой Предел, Замок Вечерней Звезды принимали его величество много раз, но временами он ехал, куда ему было угодно, сопровождаемый тысячной свитой рыцарей, лордов и леди. Он трижды побывал на Железных островах, один раз на Пайке и дважды на Большом Вике, провел две недели в Систертоне в 19 году и шесть раз посещал Север. Трижды король останавливался в Белой Гавани, дважды в Барроутоне, а последнее путешествие, предпринятое в 33 году, привело его в Винтерфелл.

«Предотвращать мятежи легче, нежели подавлять их», – говорил Эйегон, когда его спрашивали о причине столь частых поездок. Зрелище короля во всем великолепии верхом на Балерионе и его рыцарей в шелках и стальной броне вселяло в сердца лордов преданность трону. Престолюдинам, добавлял государь, тоже полезно иногда видеть своего короля и знать, что они всегда могут обратиться к нему с челобитной.

И они это знали. Лорды, стараясь перешеголять друг друга, устраивали для короля охоты, пиры и балы, но он, помимо этого, всюду вершил королевский суд, будь то во дворе замка или

на мшистом камне в крестьянском поле. Шесть мейстеров, сопровождавших его, толковали ему местные законы, приводили примеры из истории и записывали вынесенные им приговоры. Правитель должен знать землю, которой правит, говорил позже Эйегон сыну своему Эйенису; в своих странствиях он приобрел много знаний о Семи Королевствах и народе, обитавшем в них.

В каждом завоеванном королевстве существовали свои законы, свои обычаи, и король в них не вмешивался, оставляя лордам былые привилегии и права. Законы наследования оставались неизменными, феодальная иерархия сохранялась; лорды – и великие и малые – могли держать на своих землях темницы и виселицы. Право первой ночи также не отменяли там, где оно было принято.

Первейшей заботой Эйегона был мир. До Завоевания в Вестеросе постоянно случались междоусобицы, и даже в мирных будто бы королевствах лорды-соседи решали свои споры мечом. Король положил этому конец. Отныне мелким лордам и рыцарям-помещикам предписывалось обращаться с подобными спорами к своему сюзерену, распри же между великими лордами улаживал сам король. «Королевский мир есть первый закон государства, – провозгласил Эйегон. – Всякий, кто выступит на войну без моего на то дозволения, будет считаться мятежником и врагом Железного Трона».

Издавал он также указы касательно податей и таможенных сборов: ранее каждый порт и каждый лорд брали с купцов, издольщиков и крестьян сколько вздумается. Король освободил от податей земли, имущество и всех служителей Веры мужского и женского пола. Все прегрешения оных служителей подлежали лишь суду самой Веры. Сам не будучи набожным, Эйегон всемерно поддерживал Септу и главу ее, верховного септона.

В устье реки Черноводной, на трех холмах и вокруг них, быстро разрастался город Королевская Гавань. Самый высокий холм носил теперь имя Эйегона, два других нарекли вскоре холмами Висеньи и Рейенис. Первоначальный глинобитный форт, построенный Эйегоном, не вмещал больше короля и его придворных; его начали расширять еще во время Завоевания и вскоре поставили на холме бревенчатый замок пятидесятифутовой вышины, с огромнейшим великим чертогом. Через двор от него построили кухню – каменную и под сланцевой крышей на случай пожара, рядом возвели конюшни и житницу. Новая сторожевая башня превышала старую вдвое. Разросшийся Эйегонфорт обвели новым палисадом, занявшим почти всю вершину холма; внутри него разместились казарма, оружейная, септа и круглая башня.

У подножия холмов на речных берегах росли склады и пристани. Купцы из Староместа и Вольных Городов причаливали бок о бок с ладьями Веларионов и Селтигаров там, где раньше стояли только рыбачьи лодки. Королевская Гавань успешно соперничала с прежними торговыми портами Синим Долом и Девичьим Прудом. У реки возник рыбный рынок, в ложбине меж холмов торговали тканями. В порту открылась таможня. Остов старого когга на берегу стал первой городской септой. Вскоре она переехала в глинобитный домик, а затем на холме Висеньи воздвигли новую на средства верховного септона. Жилые дома и лавки множились, как грибы после дождя. Горожане побогаче строились на склонах холмов, беднота лепила в низинах хижины из глины с соломой.

Никаких планов застройки не было – город очень быстро разрастался сам по себе. При первой коронации Эйегона он был всего лишь деревней под стенами нехитрого форта, а ко времени второй коронации вмещал уже несколько тысяч душ. В 10 году он мог сравниться с Чайчим городом и Белой Гаванью, в 25-м перерос их обоих и стал третьим по величине городом Вестероса, уступая только Ланниспорту и Староместу.

Стенами его, однако, огородили не сразу. Считалось, что они столице и не нужны: кто же осмелится напасть на город, который защищают драконы? Возможно, что и сам король разделял это мнение, но гибель сестры вместе с ее драконом и покушения на собственную персону заставили его призадуматься.

В 19 году с Летних островов пришла тревожная весть: пираты разграбили там город Высокодрев и увели тысячу женщин и детей в рабство. Это навело короля на мысль, что и Королевская Гавань может подвергнуться столь же дерзкому нападению в отсутствие его и Висеньи, и он отдал приказ о возведении стен, таких же высоких и крепких, как в Ланниспорте и Староместе. Эту задачу он поручил великому мейстеру Гавену и своему деснице, сирю Осмунду Стронгу. В честь богов Эйегон распорядился устроить в будущих укреплениях семь ворот, каждые с помещением для стражи и с надвратными башнями. Работы начались на будущий год и завершились в 26 году.

Сир Осмунд был четвертым десницей короля. Первым стал Орис Баратеон, побочный брат Эйегона и друг его юных лет. В дорнийском плену лорд Орис лишился правой руки и по возвращении попросил отставки. «У королевского десницы должна быть десница, – сказал он. – Не желаю, чтобы меня прозвали королевской культей». На его место король назначил лорда Риверрана Эдмина Талли. Лорд Эдмин служил с 7 по 9 годы, но когда умерла в родах его жена, он счел, что детям своим нужен больше, чем государству, и вымолил у короля разрешение вернуться домой. Его сменил Элтон Селтигар, лорд Коготь-острова, честно служивший королю до самой своей кончины в 17 году, а после него настал черед сира Осмунда.

Великий мейстер Гавен стал на своем посту третьим. Эйегон всегда держал на Драконьем Камне мейстера, как отец и дед до него. У всех великих лордов, а также у многих невеликих и у рыцарей-помещиков мейстеры, прошедшие выучку в Цитадели Староместа, служили советниками, лекарями, писцами. Они же ухаживали за почтовыми воронами, писали и читали письма за тех лордов, что грамотой не владели, помогали стюардам со счетными книгами и учили господских детей. Во время Завоевательных войн при Эйегоне и его сестрах состояло по мейстеру, а после для разбора государственных дел король собирал их до полудюжины.

Но мудрейшими и ученейшими мужами в Семи Королевствах почитались архимейстеры Цитадели, каждый из коих был светилом в одной из наук. В 5 году ОЗ король Эйегон, желая почерпнуть из сего источника мудрости, попросил конклав прислать ему кого-то из их числа, дабы сделать ближайшим своим помощником и советником. Так была учреждена должность великого мейстера.

Первым ее занял архимейстер Оллидар, маститый историк, с кольцом, жезлом и маской из бронзы. При всей учености он был очень стар и покинул сей мир через год после того, как возложил на себя мантию великого мейстера. Его преемником конклав избрал архимейстера Лаэнса с кольцом, жезлом и маской из желтого золота. Тот был покрепче и прослужил до 12 года, после чего поскользнулся, сломал бедро и вскоре скончался, уступив место архимейстеру Гавену.

Малый королевский совет появился лишь при Джейехерисе I, но это не значит, что Эйегон Завоеватель правил, ни с кем не советуясь. Он испрашивал мнения как великих, так и домашних мейстеров, а в том, что касалось доходов и податей, искал совета мастеров над монетой. В Королевской Гавани и на Драконьем Камне у него имелось по септону, но в вопросах веры король чаще обращался к их главе в Староместе и непременно посещал Звездную септу во время своих ежегодных объездов. Более же всего Эйегон полагался на своих десниц и, конечно же, на сестер.

Королева Рейенис покровительствовала певцам, осыпая дарами тех, кто ей пришелся по вкусу. Королева Висенья находила поведение сестры легкомысленным, но любовь Рейенис к музыке оказалась весьма полезной для новой династии: барды сочиняли песни во славу Таргариенов и разносили их по всему Вестеросу от Дорнских Марок до Стены. Завоевание в их устах представляло великим и славным делом, а Эйегон ставился вровень с героями древности.

Рейенис заботилась также о простых людях, особенно о детях и женщинах. Однажды на ее суд в Эйегонфорте привели человека, забившего свою жену до смерти. Братья женщины подали на него жалобу, он же заявлял, что был в своем праве, ибо застал жену в постели с

другим мужчиной. Закон, дающий мужу право наказывать жену за измену, и верно, действовал во всем Вестеросе за вычетом Дорна. Муж, кроме того, предъявлял в доказательство свою палку – не толще большого пальца, как требовал закон. На вопрос королевы, сколько раз он ударил свою жену, мужчина затруднился ответить, но братья покойной утверждали, что он ей нанес сто ударов.

Рейенис, посоветовавшись с мейстерами и септонами, вынесла такое решение: боги велют жене быть покорной мужу, но даже в случае измены он может ударить ее не более шести раз – по числу богов, исключая несущего смерть Неведомого. Посему первые шесть ударов, нанесенных мужем, были законными, прочие же девяносто четыре объявлялись преступлением против богов и людей, требующим, в свою очередь, наказания. С тех пор «правило шести раз» вошло в обиход наряду с «правилом большого пальца». Преступного мужа отвели к подножию холма Рейенис, где братья жены выместили на нем лишних девяносто четыре удара палками установленной толщины.

Королева Висенья, не разделяя сестриной любви к музыке, любила посмеяться и держала собственного шута – волосатого горбуна по прозвищу Обезьяний Лорд. Когда он умер, подавившись персиковой косточкой, она завела настоящую обезьяну и сама дрессировала ее, одев в наряд покойного дурака. «Новый умнее старого», – говаривала Висенья.

Была в ней, однако, и темная сторона. Миру она являла лик воительницы, непреклонной и ничего не прощающей; даже красоту ее очевидцы называли суровой. Старшая из трех глав дракона Таргариенов, она пережила и сестру, и брата. Говорят, что в последние свои годы, не в силах больше владеть мечом, она занималась темными искусствами, варила яды и наводила порчу. Порой намекают даже, будто она была братоубийцей и цареубийцей одновременно, но доказательствами свою клевету подкрепить не могут.

Будь это правдой, многие пришли бы в недоумение, ибо в юности Висенья стояла за брата горой. Дважды, когда его подкарауливали дорнийские головорезы, она обнажала Темную Сестру ради его спасения. Подозрительная и легко впадавшая в гнев, она доверяла лишь ему одному. В Дорнскую войну она носила кольчугу и днем и ночью, даже под придворными платьями, советуя Эйгону поступать так же. Когда он отказался, она пришла в ярость. «Даже с Черным Пламенем в руке ты один, – сказала Висенья, – а я не всегда могу быть рядом с тобой». На слова короля, что у него есть на то стража, она выхватила свой меч и чиркнула брата по щеке, прежде чем стражники успели вмешаться. «Это не стража, а ленивый неповоротливый сброд! – вскричала она. – Я могла бы убить тебя столь же легко, как и ранить». Эйгон с кровавым порезом на лице поневоле с ней согласился.

У многих королей служили в телохранителях первые бойцы королевства, Эйгона же как лорда Семи Королевств должны были, по решению Висеньи, охранять семеро. Так возникла Королевская Гвардия, братство первейших рыцарей в белой броне и белых плащах, обязавшихся защищать короля ценой самой жизни своей, буде придет нужда. Висенья сочинила для них обеты на манер присяги Ночного Дозора. Белые рыцари, как и черные братья со Стены, клялись служить до конца своих дней в послушании и целомудрии, отрекаясь от замков, земель и других земных благ и не ища наград, кроме чести.

На это вызывались столь многие рыцари, что Эйгон хотел устроить турнир, дабы выбрать самых достойных, но Висенья указала ему, что одной воинской доблести королевским гвардейцам мало: им должна быть присуща неколебимая преданность королю. Тогда Эйгон предоставил выбирать ей.

В семерку Висеньи вошли рыцари молодые и старые, высокие и низкие, темноволосые и белокурые, взятые со всех концов Вестероса. Были там младшие сыновья и наследники старинных домов, отказавшиеся от своего первородства ради службы у короля, были межевой рыцарь и бастард. Все они – сильные, ловкие, приметливые – искусно владели мечом и щитом, и в их сердцах жила верность дому Таргариенов.

Вот их имена, сохраненные для нас Белой Книгой: сир Ричард Рут; сир Аддисон Хилл, Бастард из Початка; братья сир Григор и сир Гриффин Гуд; сир Хамфри-Скоморох; сир Робин Дарклин Черный Дрозд и сир Корлис Веларион, первый лорд-командующий. В грядущем подтвердилось, что Висенья сделала мудрый выбор: двое гвардейцев погибли, защищая короля, другие честно служили до конца своих дней. Многие рыцари вслед за ними облачались в белые плащи и вписывали свои имена в Белую Книгу. Слова «Королевская Гвардия» и «честь» остаются равнозначными по сей день.

Шестнадцать Таргариенов всходили на Железный Трон вслед за Эйгоном Драконом, пока Восстание Роберта не пресекло их династию. Были среди них правители мудрые и глупые, добрые и жестокие, хорошие и дурные, но по вкладу их в законы и государственное устройство как в мирные, так и в военные времена имя Эйгона I должно вписать во главу листа.

Сыновья дракона

Король Эйегон I Таргариен, как гласит история, взял в жены обеих своих сестер, Висеню и Рейенис. Обе они летали на драконах, обе были прекрасны как истые Таргариены – с серебристо-золотыми волосами и фиолетовыми глазами. В остальном эти две женщины были различны во всем, кроме одного: каждая из них подарила королю сына.

Рейенис, младшая жена, была первой. Мальчик, родившийся у нее в 7 году от Завоевания Вестероса, был очень мал, очень слаб и все время плакал. Королевские мейстеры не ручались за его жизнь. Грудь он брал только у матери, отвергая кормилиц, и проплакал, по слухам, две недели подряд, когда его отлучили. Он столь мало походил на короля Эйегона, что кое-кто осмеливался даже предполагать, будто отцом его был один из многочисленных фаворитов Рейенис, певец или лицедей. Расти и крепнуть принц Эйенис начал лишь получив в подарок молодого дракона по имени Ртуть, только что вышедшего из яйца на Драконьем Камне.

Когда королева Рейенис погибла в Дорне со своим драконом Мираксесом, Эйенису сравнялось три года. Мальчик был безутешен, перестал есть и ползал на четвереньках, словно ходить разучился. Отец отчаялся в нем, и при дворе сплетничали, что Эйегон хочет взять другую жену, ибо Рейенис умерла, а Висеня, похоже, бесплодна. Король в таких делах ни с кем не советовался, однако многие лорды и рыцари привозили ко двору своих дочерей, одна страшнее другой.

В 11 году королева Висеня внезапно объявила, что понесла, положив конец этим слухам. Она утверждала, что у нее будет сын, что вскоре и подтвердилось. Новый принц явился на свет в следующем году. Мейстеры и повитухи говорили, что еще не видывали такого здоровенького младенца: при рождении Мейегор весил чуть ли не вдвое больше, чем его старший брат.

Братья никогда не дружили. Эйениса – как наследника престола – король держал при себе и брал во все поездки по Семи Королевствам, Мейегор оставался с матерью. Из своих путешествий король возвращался в Королевскую Гавань, где построил себе крепость Эйегон-форт, Висеня же с сыном жили на Драконьем Камне. По этой причине и лорды, и простой народ стали называть Мейегора принцем Драконьего Камня.

Королева Висеня вручила сыну меч, когда ему исполнилось три. Первым делом мальчик будто бы зарубил одну из дворцовых кошек; эту басню могли придумать много позже его враги, однако то, что принц сразу же начал учиться владеть мечом, отрицать не приходится. Мать выбрала ему в наставники сира Гавена Корбрея, самого грозного рыцаря Семи Королевств.

Принца Эйениса воинской науке обучали в основном рыцари Королевской Гвардии, а временами и сам король. Все соглашались с тем, что мальчик прилежен и отваги ему не занимать, а вот сил явно недостает. Даже с отцовским мечом Черное Пламя Эйенис добился лишь самых скромных успехов в единоборстве. В бою он себя не посрамил, говорили его учителя, но песни о его подвигах вряд ли сложат.

Таланты принца проявлялись в другом. Эйенис хорошо пел, обладая приятным и сильным голосом, имел обходительные манеры и был умен, хотя никто бы не назвал его книжным червем. Он легко заводил друзей и завоевывал сердца девиц как знатного, так и низкого рода. Любил он также верховую езду. Отец дарил ему коней, как скаковых, так и боевых, но им всем Эйенис предпочитал своего дракона.

Принц Мейегор любви к животным никогда не выказывал. Когда в восемь лет его на конюшне лягнула лошадь, он заколол ее и снес пол-лица конюшонку, прибежавшему на ее крик. Не нажил он и друзей, хотя товарищей по играм всегда имел в досталь. Был он вспыльчив, злопамятен, страшен в гневе, зато в боевом мастерстве превосходил всех и каждого. Оруженосцем стал в восемь, в двенадцать спешивал на турнирах подростков четырьмя-пятью годами старше себя и побивал во дворе замка взрослых латников. На тринадцатый день рождения мать

подарила ему Темную Сестру, свой собственный валирийский меч, а полгода спустя Мейегор женился.

Браки Таргариены заключали только между собой. Наилучшим считался союз между сестрой и братом; если такая пара не составлялась, девушку выдавали за дядю, кузена, племянника, а юношу женили на тетке, кузине, племяннице. Так делалось во всех знатных семьях Древней Валирии, особенно там, где владели драконами. «Кровь дракона не терпит примесей» – гласила пословица. Многоженство тоже случалось, но не столь часто, как браки внутри семьи. В Валирии перед Роком, по словам мудреца, чтити тысячу богов и ни одного из них не боялись; мало кто осмеливался возвысить голос против таких обычаев.

Иное дело Вестерос с его Истинной Верой. На Севере еще почитали старых богов, но в остальных областях Вестероса поклонялись единому богу в семи лицах, и голосом его на земле был верховный септон Староместа. Доктрина этой веры, принесенная из Андалоса много веков назад, осуждала валирийские нравы. Плотские сношения между дочерью и отцом, сыном и матерью, братом и сестрой объявлялись тяжким грехом, а плоды такого союза – мерзостью в глазах богов и людей. Из своего далека мы видим, что раздор между Септой и Таргариенами был неизбежен. Многие праведники еще во время Завоевания ожидали, что верховный септон выступит с обличением Эйгона и его жен, и были весьма недовольны, когда святейший отец отговорил лорда Хайтауэра сражаться с Королем-Драконом, а позднее даже помазал Таргариена на царство.

Знакомство – мать согласия, говорится в пословице. К 11 году, когда скончался верховный септон, короновавший Завоевателя, народ уже по привычке к тому, что у короля две королевы, которые одновременно и жены его, и сестры. Король Эйгон чтит Веру, освободил все ее владения от налогов и постановил, что единственно Септа вправе судить служителей Семерых, преступивших закон. За время его правления согласие между Железным Троном и Верой ни разу не нарушалось. Эйгон поддерживал добрые отношения со всеми шестью верховными септонами, носившими кристальную корону с 11 по 37 год, и посещал Звездную септу каждый раз, как бывал в Староместе. Однако вопрос о браке между близкими родичами все еще таился под спудом подобно отраве. Верховные септоны при короле Эйгоне никогда не возвышали голос против женитьбы его на сестрах и не объявляли ее противозаконной, но скромные служители Веры – деревенские септоны, септы, нищенствующие братья, Честные Бедняки – по-прежнему считали греховным и двоеженство, и сношения брата с сестрами.

Дочерей у Эйгона Завоевателя не было, и сыновья его за неимением сестер должны были искать невест вне семьи.

Первым в 22 году женился принц Эйенис. Его женой стала леди Алисса, дочь Эйетана Велариона, лорда Дрифтмарка и королевского адмирала. У пятнадцатилетней невесты, ровесницы жениха, были те же серебристые волосы и фиолетовые глаза, ибо древний род Веларионов также происходил из Валирии. Мать самого короля Эйгона в девичестве прозывалась Веларион, но на троюродных сестрах жениться никто не препятствовал.

Брак был счастливым, и на следующий же год Алисса родила дочь, названную Рейеной. Уродившись крошечной, как отец, принцесса в отличие от него была здоровым ребенком, с живыми лиловыми глазками и волосами как кованое серебро. Летопись гласит, что сам король Эйгон прослезился, взяв на руки внучку, и обожал ее до конца своих дней. Быть может, она напоминала ему утраченную королеву Рейенис, в честь которой и была названа.

Вся страна ликовала, исключая, пожалуй, одну королеву Висенью. Все задавались вопросом, останется принц Мейегор вторым в череде наследников или отодвинется на третье место, уступив второе племяннице. Висенья предлагала обручить Рейену с Мейегором, которому только что сравнялось двенадцать, но Эйенис и Алисса на это не согласились. Когда весть об этом достигла Звездной септы, верховный септон прислал королю ворона с предупреждением, что Вера подобный брак не благословит. Вместо Рейены он предлагал Мейегору в невесты свою

собственную племянницу Серису, дочь лорда Манфреда Хайтауэра (кого не следует путать с дедом, носившим такое же имя).

Эйгон, желая укрепить связи с правящим домом Староместа, дал согласие, и в 25 году Мейегор Таргариен, принц Драконьего Камня, принес брачный обет Серисе Хайтауэр в Звездной септе, причем обряд совершил сам верховный септон. Невеста была на десять лет старше своего жениха, но все лорды, провожавшие молодых на брачное ложе, говорили, что принц пылал страстью. Сам Мейегор хвастал, что скрепил свой брак не менее двенадцати раз. «В эту ночь я зачал сына дому Таргариенов», – объявил он наутро.

На будущий год мальчик и впрямь родился, но не у Мейегора с Серисой, а у Эйениса с леди Алиссой. Названный Эйегоном в честь деда, ребенок был крепок и полон жизни – «настоящий вояка», как объявил сам король. Многие еще полагали, что престол могут унаследовать принц Мейегор или принцесса Рейена, но казалось бесспорным, что наследником Эйениса станет его сын Эйгон, а сам Эйенис займет трон после короля Эйгона Первого.

Алисса рожала раз за разом, Сериса же оставалась бездетной. В 29 году жена подарила Эйенису второго сына, Визериса, в 34-м – третьего, Джейехериса, в 36-м – вторую дочь Алисанну.

Рейене в тот год исполнилось тринадцать, и она, по словам великого мастера Клегга, полюбила младшую сестричку «так, будто сама ее родила». Старшая принцесса росла робкой, мечтательной и с животными чувствовала себя свободнее, чем с другими детьми. Малюткой она при виде чужих людей цеплялась за юбку матери или за ногу отца, но любила кормить дворцовых кошек и укладывала в свою кроватку щенят. Мать подбирала ей в подруги дочерей великих и малых лордов, однако играм с ними Рейена предпочитала книги.

В девять лет ей подарили только что вылупившегося дракончика. Рейена назвала его Огненной Мечтой, и они сразу же накрепко привязались друг к другу. Дракон помог принцессе избавиться от детской застенчивости; в двенадцать лет она впервые поднялась в небо, и хотя нрав ее оставался по-прежнему тихим, робкой ее уже никто не считал. Вскоре у нее появилась и первая настоящая подруга – кузина Ларисса Веларион. Девочки были неразлучны, пока Лариссу не отозвали домой на Дрифтмарк, чтобы выдать за второго сына лорда Вечерней Звезды с острова Тарт. Но юные сердца быстро оправляются от потерь, и принцесса обрела нового друга в дочери десницы Саманте Стокворт.

Именно Рейена, по преданию, положила по драконьему яйцу в колыбель сначала Джейехерису, потом Алисанне. Из этих яиц, если верить легенде, вышли Среброкрылый и Вермитор, чьи имена навсегда вписаны в историю Вестероса.

Лишь королеву Висенью и ее сына Мейегора не радовало рождение новых принцесс и принцев, ибо каждый сын Эйениса – а кое-кто говорил, что и дочь – оттеснял Мейегора все дальше от Железного Трона.

На турнирах и ратном поле Мейегор, однако, превосходил брата во всем. На большом Риверранском турнире 28 года он спешил одного за другим трех рыцарей Королевской Гвардии и уступил лишь следующему противнику, а в общей схватке перед ним никто не мог устоять. В тот день отец коснулся его плеча собственным мечом Черное Пламя, и шестнадцатилетний Мейегор стал самым молодым рыцарем Семи Королевств.

За сим подвигом последовали другие. В 29 и 30 годах Мейегор вместе с Осмундом Стронгом и Эйетаном Веларионом умирал на Ступенях лиссенейского пирата Саргозо Саана, проявив себя бесстрашным и грозным воином, в 31-м выследил и убил в речных землях знаменитого рыцаря-разбойника, прозванного Великаном с Трезубца.

Своего дракона у него, впрочем, не было. За эти годы среди подземных огней Драконьего Камня вывелось с полдюжины детенышей, но Мейегор всех их отверг. Столичный люд дивился тому, что юная Рейена начала летать прежде своего дяди. Алисса при дворе как-то заметила в

шутку, что ее деверь не иначе как побаивается драконов. Мейегор, потемнев от гнева, ответил, что на свете есть лишь один дракон, достойный его.

Последние семь лет Эйгона Завоевателя прошли мирно. После неудачных Дорнских войн король не покушался более на независимость Дорна; в десятую годовщину мира он полетел на Балерионе в Солнечное Копье, дабы отпраздновать этот день на «пиру дружбы» с Дарией Мартелл, принцессой Дорнийской. Эйенис на Ртути сопровождал его, Мейегор оставался у себя на Драконьем Камне. В 33 году королю минуло шестьдесят, и Эйгон, скрепивший свое государство огнем и кровью, обратился к кирпичу и известке.

Полугодовые поездки по стране совершали теперь Эйенис и Алисса; стареющий король оставался дома, деля свое время между Королевской Гаванью и Драконьим Камнем.

Рыбачья деревня, где он высадился когда-то, разрослась в большой город, вмещавший в то время сто тысяч душ. Величиной Королевская Гавань уступала лишь Староместу и Ланниспорту, но грязью, зловонием и беспорядочностью до сих пор походила на громадный военный лагерь, а Эйгонфорт, занимавший половину холма Эйгона, почитался самым уродливым замком Семи Королевств. Постройки его, глинобитные и деревянные, давно уже выплеснулись за старые палисады.

Эйгон понимал, что такая обитель недостойна великого короля. В 35 году он перебрался со всем двором назад на Драконий Камень, повелев снести Эйгонфорт и воздвигнуть новый каменный замок на его месте. Наблюдать за строительством он поручил деснице, лорду Алину Стокворту (сир Осмунд Стронг скончался в прошлом году) и королеве Висень. При дворе ходила шутка, что король доверил королеве строительство Красного Замка, чтобы убрать ее с Драконьего Камня.

Король Эйгон умер от удара на Драконьем Камне в 37 году от Завоевания. Случилось это в Палате Расписного Стола, где король показывал внукам Эйгону и Визерису карту своих владений. Принц Мейегор, тоже бывший в то время на острове, прочел заупокойную молитву над телом отца, и короля, облаченного в боевые доспехи, возложили на погребальный костер: в доме Таргариенов покойников сжигали, а не предавали земле. В кольчужных дланях король держал свой меч Черное Пламя. Костер зажег Вхагар, дракон королевы. После сожжения Мейегор снял с костра меч, ибо обычный огонь не вредит валирийской стали: она стала лишь чуть темнее.

Король-Дракон оставил после себя Висенью, сестру свою и жену, двух сыновей и пять внуков. Принцу Эйенису в ту пору минуло тридцать лет, принцу Мейегору – двадцать пять.

Эйенис был в Хайгардене, когда умер отец, но успел на погребение благодаря Ртути. Похоронив отца, он возложил на себя стальную, украшенную рубинами корону Завоевателя, и великий мейстер Гавен провозгласил его Эйенисом из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. Лорды, рыцари и септоны, что съехались на Драконий Камень, поочередно преклоняли колена. Когда пришла очередь Мейегора, Эйенис поднял его, расцеловал и сказал: «Больше тебе не нужно преклонять предо мною колена, брат. Государством мы будем править совместно. – С этими словами он вручил Мейегору меч Черное Пламя, добавив: – Ты более его достоин, чем я. Служи им своему королю, и мы оба будем довольны».

(Поступив так, Эйенис, как показали позднейшие события, совершил весьма неразумный шаг. Королева Висенья уже одарила сына Темной Сестрой; Мейегор, владевший теперь обоими валирийскими мечами дома Таргариенов, носил отныне одно лишь Черное Пламя, Темная же Сестра празднично висела в покоях его на Драконьем Камне.)

Засим новый король отплыл в Королевскую Гавань, где торчал среди куч грязи и щебня Железный Трон. Эйгонфорт уже снесли, холм изрыли котлованами под будущие подвалы, но Красный Замок пребывал пока в зачаточном состоянии. Тысячи горожан тем не менее пришли восславить короля Эйениса, воссевшего на отцовский престол.

После этого король отправился в Старомест, дабы заручиться благословением верховного септона. На Ртути он мог бы совершить это путешествие за несколько дней, но предпочел ехать по земле в сопровождении трехсот конных рыцарей и многочисленной челяди. Рядом с ним ехали королева Алисса и трое старших детей. Четырнадцатилетняя Рейена похищала сердца молодых рыцарей, принцу Эйгону было одиннадцать, принцу Визерису восемь. Джей-ехериса и Алисанну, слишком маленьких для столь долгой поездки, оставили на Драконьем Камне. Королевский кортеж проехал на юг до Штормового Предела и двинулся на запад через Дорнские Марки, останавливаясь в каждом попутном замке. (Возвращаться было решено через Хайгарден, Ланниспорт и Риверран.)

Народ стекался к тракту, приветствуя короля, королеву и королевских детей. Юным принцам очень нравились и восторженные крики, и забавы, которые устраивали для них лорды в замках, Рейена же по старой привычке замкнулась в себе. «Принцесса, – записал в Штормовом Пределе мейстер Ориса Баратеона, – всем своим видом показывает, что всё ей здесь не по нраву. К кушаньям она почти не притрагивается, ни с собаками, ни с соколами охотиться не желает. Когда же ее попросили спеть (голос у нее, по слухам, очень красивый), она отказалась наотрез, весьма неучтиво, и удалилась в свои покои». Более всего Рейену угнетала разлука с Огненной Мечтой и недавней подругой, рыжеволосой Мелони Пайпер с речных земель. Королева Алисса, видя это, послала за леди Мелони, и принцесса сразу повеселела.

Верховный септон в Звездной септе помазал Эйениса елеем, как прежде его отца, и увенчал золотой короной с ликами Семерых из нефрита и жемчуга. Однако в то самое время, когда король получал благословение Хранителя Веры, многие уже сомневались, достоин ли он сидеть на Железном Троне. Вестеросу нужен воин, а не мечтатель, говорили они; Эйгон оставил двух сыновей, и Мейегор сильней Эйениса. Партию противников нового короля возглавляла мать Мейегора, вдовствующая королева Висенья. «Это ясно даже самому Эйенису, – будто бы говорила она. – Зачем бы иначе он отдал Черное Пламя моему сыну? Он понимает, что Мейегор будет более достойным правителем».

Способности молодого короля подверглись испытанию раньше, чем ожидалось. Завоевательные войны оставили шрамы по всему Вестеросу. Подросшие сыновья рвались отомстить за павших отцов. Рыцари вспоминали дни, когда воин, имевший коня и доспехи, мечом прорубал себе путь к богатству и славе. Лорды тосковали о временах, когда могли без королевского разрешения облагать своих подданных налогами и разделяться с врагами. «Цепи, выкованные Драконом, можно порвать, – шептались меж собой недовольные. – Мы можем вернуть себе отнятые свободы, но действовать нужно незамедлительно, пока трон занимает слабый король».

Первые ростки мятежа взошли в речных землях, среди колоссальных руин Харренхолла. Эйгон пожаловал замок сиру Квентону Квохорису, своему старому мастеру над оружием. В 9 году ОЗ лорд Квохорис упал с коня и погиб, передав титул своему внуку Гаргону, толстому и глупому любителю юных девиц по прозвищу Свадебный Гость: он посещал все свадьбы в своих владениях с тем, чтобы воспользоваться правом первой ночи. С женами и дочерьми своих слуг Гаргон также не церемонился.

Король Эйенис гостил в Риверране у лорда Талли, когда отец обесчещенной Гаргоном девушки открыл замковую калитку разбойнику Харрену Рыжему, объявлявшему себя внуком Харрена Черного. Разбойники вытащили лорда из постели и отволокли в богорошу, где Харрен отсек и скормил собакам его мужское достоинство. Немногих стражников, оставшихся верными Гаргону, перебили, остальные примкнули к Харрену, провозгласившему себя лордом Харренхолла и Речным Королем (на Железные острова он, не будучи железнорожденным, не претендовал).

Когда в Риверране узнали об этом, лорд Талли стал убеждать короля сесть на дракона и спалить мятежный замок, как прежде его отец. Но Эйенис, возможно памятуя гибель своей матери в Дорне, не полетел в Харренхолл. Он приказал Талли созвать знамена и выступил,

лишь набрав тысячное войско, однако в Харренхолле не нашел никого, кроме мертвых: Харрен, предав мечу верных слуг лорда Гаргона, скрылся в лесах.

По возвращении в Королевскую Гавань Эйениса ждали еще худшие вести. Джонос Аррен, сместив и взяв под стражу своего брата, законного лорда Роннела, объявил себя Королем Горы и Долины. На Железных островах из моря вышел очередной король-жрец, именующий себя Лодосом Дважды Тонувшим, сыном Утонувшего Бога, загостившимся в водных чертогах отца. В Красных горах Дорна объявился Король-Стервятник, призвавший всех истых дорнийцев отомстить за обиды, причиненные Дорну Таргариенами. Принцесса Дерия отреклась от него, заверяя, что Дорн не желает ничего, кроме мира, но многие тысячи дорнийцев стеклись под его знамена и начали по козьим тропам проникать на Простор.

«Стервятник сей наполовину безумен, а войско его всего лишь невымытый сброд, – писал королю лорд Хармон Дондаррион. – Мы чуем их за пятьдесят лиг». Вскоре названный сброд захватил его замок Черная Гавань. Король-Стервятник собственноручно отрезал лорду Хармону нос, предал замок огню и ушел.

Король Эйенис, понимая, что все эти мятежи следует подавить, не знал, очевидно, с чего начать. Великий мейстер Гавен пишет, что король, воображавший, будто народ его любит, пребывал в полной растерянности. Джонос Аррен, новый Лодос, Король-Стервятник... что он им сделал? Отчего они не пришли к нему со своими обидами? Он охотно бы выслушал их. Эйенис подумывал о переговорах с мятежниками, желая узнать о причинах их недовольства. Жену и детей он отправил на Драконий Камень, опасаясь, как бы Харрен Рыжий не нагрязнул в Королевскую Гавань. Деснице лорду Алину Стокворту было приказано выступить с армией и флотом в Долину, чтобы свергнуть Джоноса и восстановить в правах лорда Роннела, но накануне отплытия король отменил приказ, не желая оставлять столицу без всякой защиты. Десницу с несколькими сотнями воинов отрядили на охоту за Харреном, а решение судьбы прочих бунтовщиков король Эйенис хотел предоставить Большому совету.

Пока король медлил, лорды его вышли в поле. Одни действовали по собственному почину, другие с согласия королевы Висеньи. Аллард Ройс из Рунстона, собрав с полсотни других верных лордов, пошел на Гнездо и с легкостью разбил приспешников самозваного Короля Горы и Долины, но Роннела спасти не успел: Джонос выбросил брата в Лунную Дверь. Таков был печальный конец Роннела Аррена, трижды облетевшего вокруг Копья Гиганта верхом на драконе. Орлиное Гнездо невозможно взять обычными средствами, и Джонос с горсткой оставшихся у него людей приготовился к долгой осаде, но тут с неба спустился Балерион, неся на себе Мейегора. Сын Завоевателя наконец выбрал себе дракона, и был это не кто иной, как сам Черный Ужас.

При виде его мятежники тут же сдались и отправили самозванца в Лунную Дверь вслед за братом, но от смерти это их не избавило: Мейегор казнил всех до единого. Даже самых родовитых он не удостоил меча, сказав, что предатели заслуживают только веревки, и развесил рыцарей нагими на стенах замка. Лордом Долины он поставил Губерта Аррена, кузена погибших братьев. Тот имел от своей леди-жены Ройс из Рунстона шестерых сыновей, и угасание дому Арренов не грозило.

На Железных островах против Лодоса Второго выступил Горен Грейджой, Лорд-Жнец с Пайка. С сотней ладей он отплыл на Старый и Большой Вики, где сторонники самозваного короля были наиболее многочисленны, тысячи их предал мечу и послал в Королевскую Гавань засоленную голову Лодоса. Эйенис так обрадовался подарку, что обещал исполнить любое желание лорда Грейджоя. Тот как истый сын Утонувшего Бога попросил убрать всех септонов и септ, приехавших на острова после Завоевания, и королю пришлось согласиться.

Однако Король-Стервятник, самый грозный из всех мятежников, все еще бесчинствовал в Дорнских Марках. Принцесса Дерия по-прежнему от него отрекалась, но многие подозревали, что она ведет двойную игру, ибо сама против Стервятника не выходит и даже, по слухам,

снабжает его людьми, припасами и деньгами. Правда то была или нет, но к Стервятнику прикнули сотни дорнийских рыцарей и тысячи ветеранов-копейщиков. Войско его раздулось до тридцати тысяч воинов; Стервятник, не в силах прокормить столь большую рать, разделил ее надвое, что и погубило его. Одну половину он повел на запад к Ночной Песне и Рогову Холму, другая во главе с лордом Уолтером Вайлом, сыном Вдоволюба, двинулась на восток и осадила Стонхельм, усадьбу дома Сваннов.

Оба войска вскоре были разгромлены. Орис Баратеон, известный ныне как Однорукий, выступил из Штормового Предела в свой последний поход и разбил дорнийцев под стенами Стонхельма. Когда к нему привели израненного лорда Уолтера, Орис сказал ему: «Твой отец забрал мою руку, а я в ответ заберу твою». С этими словами он отсек пленному правую руку, а после левую и обе ступни, прибавив, что получит свое с лихвой. На обратном пути в Предел лорд Баратеон умер от ран, полученных им самим – умер довольным, по словам его сына Давоса, с улыбкой глядя на отрубленные руки и ноги, повешенные в его шатре наподобие связки лука.

Судьба самого Стервятника была едва ли завиднее. Видя, что Ночную Песнь взять не удастся, он снял осаду и пошел дальше на запад, но леди Карон устремилась вслед за ним и соединилась с сильным марочным войском, которое возглавил Хармон Дондаррион, безносый лорд Черной Гавани. Навстречу же дорнийцам внезапно вышел Сэмвел Тарли, лорд Рогова Холма, с несколькими тысячами рыцарей и лучников. Свирепый Сэм, как его называли, оправдал свое прозвище в скорой кровавой битве, зарубив десятки дорнийцев своим валирийским мечом Губитель Сердец. У Стервятника было вдвое больше людей, чем у всех трех его противников, вместе взятых, однако недисциплинированная и необученная орда недолго продержалась в кольце конных рыцарей. Дорнийцы, побросав щиты и копья, пустились бежать к далеким горам, но марочные лорды нагоняли и убивали их. Охотой на Стервятника прозвали этот поход.

Самого Короля-Стервятника взяли живым, и Сэм Тарли привязал его, раздетого донага, к двум столбам. Стервятники, если верить певцам, и растерзали его, на самом же деле он умер от голода, жажды и зноя, а птицы склевали его уже после смерти. В последующие века титул Короля-Стервятника примеряли на себя и другие, но никто не знает, были ли они одного рода с первым. Его смерть считают концом Второй Дорнской войны, но именовать так мятеж Стервятника едва ли верно, ибо дорнийские лорды в нем не участвовали, а принцесса Дерия не желала признавать самозванца.

Первый мятеж усмирили последним. Харрен Рыжий, прижатый к западному берегу Божьего Ока, не сдался без боя и убил в схватке королевского десницу лорда Алина Стокворта, но оруженосец последнего, Бернarr Брюн, убил его самого. Благодарный король Эйенис посвятил Брюна в рыцари, а Давоса Баратеона, Сэмвела Тарли, Безносого Дондарриона, Эллина Карон, Алларда Ройса и Горена Грейджоя вознаграждал золотом и почетными должностями. Наипаче был возвеличен принц Мейегор: по возвращении в Королевскую Гавань его встретили как героя. Эйенис обнял брата на глазах ликующих горожан и наименовал своим новым десницей. В конце того года на Драконьем Камне вывелись еще двое детенышей, и это сочли добрым знаком, но дружба между сынами Короля-Дракона длилась недолго.

Расхождение было скорее всего неизбежно, уж очень разнились во всем эти братья. Добрый, мягкосердечный король Эйенис, по отзывам людей того времени, любил свою жену, детей и весь свой народ, желая единственно, чтобы и его любили в ответ. Окончательно забросив меч и копье, его величество увлекался алхимией, астрономией, астрологией, обожал музыку и танцы, одевался в шелк и бархат, окружал себя мастерами, септонами и мудрецами всякого рода.

Иное дело Мейегор. Необычайно сильный, выше брата и шире в плечах, он жил только войной и турнирами. Его справедливо признавали одним из лучших рыцарей Вестероса, но

его свирепость на поле брани и суровость к побежденным врагам незамеченными также не оставались. Эйенис всем угождал и всякий раздор старался решить добрым словом, Мейегор сразу же откликнулся огнем и сталью. Эйенис, как пишет великий мастер Гавен, верил всем, Мейегор – никому. Эйенис легко поддавался чужому влиянию и колебался, словно тростник на ветру, не зная, которому совету последовать; Мейегор был непоколебим, как железный столп.

Несмотря на все эти различия, братья согласно правили вместе почти два года. В 39-м королева Алисса подарила королю еще одну дочь, Вейеллу, которая, к несчастью, умерла в колыбели. Возможно, как раз это доказательство того, что королева еще способна иметь детей, и подвигло Мейегора на роковое решение. Принц, поразив короля и все государство, объявил, что Сериса бесплодна и потому он берет себе вторую жену – Алис Харроуэй, дочь нового владельца Харренхолла. Свадьба состоялась на Драконьем Камне с полного согласия королевы Висеньи. Замковый септон отказался свершить обряд, и молодые соединились по валирийскому обычаю, «огнем и кровью».

Произошло это без позволения, ведома и присутствия короля Эйениса. Узнав о незаконной свадьбе, король рассорился с братом. Он был не одинок в своем гневе: отец Серисы лорд Хайтауэр заявил о своем недовольстве и потребовал, чтобы принц удалил от себя леди Алис. Верховный септон пошел еще дальше: он заклеил второй брак Мейегора как прелюбодейственный, а невесту именовал «харроуэйской блудницей». Ни один истинный сын или дочь Семерых не признает ее законной супругой, возглашал он. Принц Мейегор отвечал на это, что отец его был женат на двух своих сестрах и что кровью дракона Септа распоряжаться не вправе. Никакие старания Эйениса не могли отменить этих слов. Благочестивые лорды по всему Вестеросу осуждали как двоеженца, так и «его блудницу».

Разгневанный король поставил брата перед выбором: вернуться к леди Серисе или отправиться в изгнание на пять лет. Мейегор выбрал изгнание и в 40 году отбыл в Пентос, взяв с собой леди Алис, дракона Балериона и меч Черное Пламя. Говорили, будто Эйенис приказал ему вернуть меч, а принц ему ответил: «Отберите его у меня сами, государь». Покинутая леди Сериса осталась жить в Королевской Гавани.

Взамен брата король назначил десницей септона Мармизона, слывшего чудотворным целителем. По распоряжению короля Мармизон еженощно возлагал руки на чрево леди Серисы: Эйенис надеялся, что брат раскается в своем безумстве, узнав, что законная его жена способна рождать. Но Серисе этот обряд наскучил, и она вернулась к отцу в Старомест. Можно не сомневаться, что такой выбор король совершил в надежде умиротворить Септу, однако этого не случилось. Исцелить государство Мармизон был способен не более чем сделать плодотворной Серису Хайтауэр. Верховный септон продолжал метать громы и молнии, а лорды в своих замках повторяли, что король слаб: куда-де такому править Семью Королевствами, если он даже с младшим братом не может сладить.

Король же как будто не замечал всеобщего недовольства. В стране воцарился мир, шкодливый братец благополучно убрался за Узкое море, и на холме Эйегона подрастал новый замок. Строился он из красного камня, за что и получил свое название. Новая резиденция короля обещала стать роскошнее Драконьего Камня, красивее Харренхолла, а мощные стены, башни и барбикианы могли выдержать любую осаду. Эйенис был прямо-таки одержим возведением замка и говорил, что его потомки будут в нем править тысячу лет. Мечта об оных потомках привела его к роковой ошибке: в 41 году Эйенис вручил руку своей дочери Рейены ее родному брату Эйегону, наследнику Железного Трона.

Принцессе было восемнадцать, принцу пятнадцать. Они дружили между собой с детских лет. Своим драконом Эйегон так и не обзавелся, но часто летал с сестрой на ее Огненной Мечте. Стройный и красивый, он рос все выше, как молодое деревце – многие говорили, что дед его в юности был точно таким же. Прослужив три года в оруженосцах, он хорошо владел топором и мечом и слыл лучшим копейщиком среди всей молодежи Вестероса. Многие юные

девы заглядывались на принца, и он не оставался равнодушным к их чарам. «Если принца не женят вскорости, – писал в Цитадель великий мейстер Гавен, – у его величества может появиться незаконный внучок».

У принцессы Рейены также было много поклонников, но она в отличие от брата никому не отвечала взаимностью. Время она предпочитала проводить с братьями, сестрой, любимыми кошками и собаками и новой подругой Алейной, дочерью лорда Ройса из Рунстона. Принцесса так привязалась к этой толстушке, что даже на драконе ее катала, но куда чаще поднималась в небо одна. На семнадцатом году она объявила себя взрослой девицей, вольной летать куда пожелает.

Огненную Мечту замечали над Харренхоллом, Тартом, Рунстоном, Чаячьим городом. Ходили слухи (ничем, однако, не подкрепленные), что в одном из полетов Рейена отдала цвет своего девичества любовнику низкого рода. Одни говорили, что это был межевой рыцарь, другие – что певец, сын кузнеца, деревенский септон. Из-за этого-де королю и пришлось выдать дочь замуж как можно скорее. Так или нет, принцесса, безусловно, вошла в брачный возраст: родители ее поженились, будучи тремя годами моложе.

В свете традиций Таргариенов брак между двумя старшими детьми был для короля очевидным выбором. Рейену с Эйегоном, помимо родства, связывала нежная дружба, и никто из них против свадьбы не возражал. Скорее всего они готовились к ней еще со времени своих детских игр на Драконьем Камне и в Эйегонфорте.

Буря, поднявшаяся после объявления о помолвке, застала семью короля врасплох, хотя предвещавшие ее знаки были достаточно ясны для всех, кто имел мудрость читать их. Истинная Вера, закрывавшая глаза на брак Завоевателя с его сестрами, их внукам в снисхождении отказала. Союз меж братом и сестрой Звездная септа объявила кровосмесительным, остерегая, что дети, рожденные от него, будут «мерзостью в глазах богов и людей», и десять тысяч септонов зачитывали этот ордонанс по всем Семи Королевствам.

Эйенис, знаменитый своей нерешительностью, на сей раз заартачился. Королева Висенья советовала ему выбрать одно из двух: либо найти других супругов сыну и дочери, либо сесть на дракона, полететь в Старомест и спалить Звездную септу вместе с верховным септоном. Король не сделал ни того ни другого, но настоял на своем.

В день свадьбы на улицах, примыкающих к Памятной септе – предыдущий верховный септон воздвиг ее в честь погибшей королевы на холме Рейенис, – выстроились в горячей серебряной броне Сыны Воина, провожая мрачными взглядами гостей, следующих мимо пешком, верхом и в носилках. Наиболее благоразумные лорды сочли за благо не приезжать вовсе.

На свадебном пиру король совершил новый промах, передав титул принца Драконьего Камня своему наследнику Эйегону. При этих словах в чертоге настала мертвая тишина, а королева Висенья встала из-за высокого стола и удалилась без позволения Эйениса. В ту же ночь она верхом на Вхагаре вернулась в свой замок Драконий Камень. В летописи сказано, что луна, когда дракон пролетал мимо, стала красной как кровь.

Эйенис между тем как будто не понимал, что восстановил против себя все Семь Королевств. Полагая, что простой народ любит его по-прежнему, он отправил Эйегона и Рейену в свадебное путешествие по стране. Принцесса, будучи, как видно, умнее отца, попросила позволения взять с собой Огненную Мечту. Король отказал; он опасался, что принца сочтут трусом и неженкой, видя его на коне, а жену его на драконе.

Скоро выяснилось, что король недооценивал как благочестие своих подданных, так и силу слов верховного септона. Кортёж принца и принцессы освистали в первый же день. Ни один септон в Девичьем Пруду не согласился благословить пир, устроенный в их честь лордом Моутоном. Лорд Лукас Харроуэй заявил, что не впустит новобрачных к себе в Харренхолл, пока они не признают его дочь Алис законной супругой своего дяди. Те отказались; любви это им не прибавило, а ночь, холодную и сырую, пришлось провести в шатрах под стенами замка.

В одной деревне речных земель Честные Бедняки забросали августейшую чету грязью; принц Эйгон обнажил против дерзких меч, но собственные рыцари его удержали, ибо крестьян было куда больше, чем свиты. Рейена же, подъехав к обидчикам, сказала им так: «Принцесса на коне, я вижу, вас не пугает. В другой раз я прилечу на драконе, вот тогда и кидайтесь грязью».

Положение ухудшалось день ото дня. Септона Мармизона, совершившего брачный обряд, отлучили от веры, и король написал верховному септону с просьбой вернуть сан «моему доброму Мармизону»: в древней Валирии-де браки между братьями и сестрами были приняты повсеместно. Ответ верховного септона был столь уничижителен, что Эйенис побледнел, читая его. Его святейшество, адресуя свое письмо «Гнуснейшему королю», объявлял Эйениса тираном и отказывал ему в праве занимать трон.

Праведные вняли голосу своего пастыря. Недели через две, когда септон Мармизон ехал по городу в носилках, из переулка выскочили Честные Бедняки и топорами изрубили его на куски. Сыны Воина тем временем укрепляли холм Рейенис, превращая Памятную септу в свою цитадель. Красный Замок был еще далек от завершения, и король, сочтя свое обиталище на холме Висеньи чересчур уязвимым, собрался перебраться с королевой и младшими детьми на Драконий Камень. Решение оказалось мудрым: за три дня до отплытия Честные Бедняки перелезли через стену усадьбы и ворвались в королевскую опочивальню. Лишь своевременное вмешательство сира Реймонта Баратеона из Королевской Гвардии спасло короля от смерти.

Холм Висеньи Эйенис сменил на саму Висенью. Она встретила его на берегу знаменитой речью:

«Ты глупец и тряпка, племянник. Посмел бы кто-нибудь говорить так с твоим отцом! У тебя есть дракон; садись на него, лети в Старомест и преврати Звездную септу во второй Харренхолл. Сам не хочешь, так мне позволь: я охотно поджарю за тебя тушку святого отца. Вхагар стареет, но огонь его все так же горяч».

Эйенис не послушал тетку и предписал ей жить в башне Морского Дракона, никуда оттуда не выходя.

К концу 41 года против короля восстала чуть ли не вся страна. Четыре мнимых короля, заявивших о себе сразу после смерти Эйгона Завоевателя, казались малыми детьми по сравнению с этой новой угрозой: нынешние повстанцы почитали себя солдатами Семерых, ведущими священную войну против безбожных тиранов. Десятки лордов по всему Вестеросу спустили королевские флаги и становились под знамя Звездной септы. Сыны Воина охраняли все ворота Королевской Гавани, решая, кому войти в столицу и кому выйти. Строительство Красного Замка прервали, разогнав всех рабочих. Честные Бедняки перекрывали дороги, требуя у путников отчета, за кого те стоят – за веру или за порождение зла. Они же толпились у ворот замков, пока их лорды не отрекались публично от Таргариена. Принц и принцесса, прервав свою поездку, укрылись в замке Кракехолл. Посол Железного банка, приехавший в Старомест для переговоров с Мартином Хайтауэром, новым лордом Высокой Башни и Голосом Староместа (лорд Манфред, отец Мартина, скончался несколькими лунами ранее), писал в Браавос, что верховный септон есть «истый король Вестероса во всем, кроме имени».

Новый год застал короля Эйениса все на том же Драконьем Камне, больного страхом и нерешительностью. В тридцать пять лет от роду он казался шестидесятилетним старцем и страдал, по словам великого мастера Гавена, поносом и спазмами в животе. Королева Висенья, видя, что мастерские средства не помогают, взялась ухаживать за королем самолично. Эйенису как будто сделалось лучше, но тут пришла весть, что замок Кракехолл, где нашли убежище его дети, осажден толпами Честных Бедняков. Король, услышав об этом, скончался три дня спустя.

Эйениса Таргариена, как и его отца, сожгли во дворе замка Драконий Камень. На погребении присутствовали его сыновья Визерис, двенадцати лет, Джейхерис, семи лет, и пятилетняя дочь Алисанна. Королева Алисса пропела смертную песнь. Погребальный костер зажгла

Ртуть, дракон покойного короля; по некоторым свидетельствам, ему помогали в этом Серебрякрылый и Вермитор.

Королева Висеня через час после кончины племянника села на Вхагара, улетела на восток за Узкое море и вернулась с сыном своим Мейегаром верхом на Балерионе.

На Драконьем Камне Мейегор остановился лишь затем, чтобы надеть корону – не золотую с ликами Семерых, а отцовскую из валирийской стали с рубинами. Корону на него возложила мать, и принц в присутствии многих лордов и рыцарей провозгласил себя Мейегором из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства.

Один лишь великий мейстер Гавен осмелился подать голос против. Согласно закону о престолонаследии, принятому самим Завоевателем, Железный Трон должен перейти к Эйгону, старшему сыну Эйениса, сказал престарелый мейстер. «Железный Трон перейдет к тому, кто может его удержать», – ответил Мейегор и тут же казнил Гавена, отделив его седую голову от туловища одним ударом Черного Пламени. Королевы Алиссы с детьми на коронации не было. Сразу же после сожжения тела Эйениса они отплыли в замок ее лорда-отца на Дрифтмарке. Мейегор, узнав об этом, пожал плечами и отправился со своим мейстером в Палату Расписного Стола диктовать письма лордам Вестероса, великим и малым.

В тот день из замка вылетели сто воронов, а назавтра в воздух поднялся сам Мейегор. Сопровождаемый матерью верхом на Вхагаре, он пересек Черноводный залив. Сотни жителей Королевской Гавани, завидев в небе драконов, бросились прочь из города, но все ворота были заперты наглухо. Сыны Воина готовились оборонять городские стены, недостроенный Красный Замок и Памятную септу на холме Рейенис, Таргариены же подняли свой штандарт над холмом Висеня и призвали к себе всех верных сторонников. На зов откликнулись тысячи. Отныне их король Мейегор, объявила Висеня. «В нем течет подлинная кровь Эйгона Завоевателя, брата моего, возлюбленного и мужа. Всякий, кто хочет оспорить его право на престол, пусть выйдет против него с оружием».

Сыны Воина не замедлили ответить на вызов. Семьсот рыцарей в серебристой броне спустились с холма Рейенис во главе с капитаном сиром Дамон Морригеном по прозвищу Дамон Верный. «Не будем тратить слов, пусть дело решат мечи», – сказал ему Мейегор. Сир Дамон, убежденный, что боги даруют победу правому делу, согласился, сказав: «Выставим каждый по семь бойцов, как делалось когда-то в Андалосе. Найдется ли у тебя шесть соратников?» Королевская Гвардия Эйениса осталась на Драконьем Камне, и Мейегор был один.

«Кто хочет сразиться вместе со своим королем?» – спросил он, обращаясь к толпе. Все сделали вид, что не слышат, ибо доблесть Сынов Воина была всем известна. Вызвался только один человек – не рыцарь, а простой латник по имени Бобовый Дик. «Я всю жизнь был солдатом короля, им и умру», – сказал он.

Лишь тогда вышел вперед первый рыцарь. «Этот бобовый стручок нас всех посрамил, – вскричал он. – Неужто здесь не осталось истинных рыцарей?» Был это не кто иной, как Бернарр Брюн, убивший Харрена Рыжего и посвященный в рыцари самим королем Эйенисом. Пристыженные им воины начали откликаться. Имена четверых, отобранных Мейегором, навсегда вписаны в историю Вестероса: сир Брамм из Чернолодья, межевой рыцарь; сир Рейфорд Росби; сир Гай Лотстон, он же Гай-Обжора; сир Люцифер Масси, лорд Плясунов.

Имена семерых Сынов Воина также известны: сир Дамон Морриген (Дамон Верный), капитан ордена; сир Лайл Бракен; сир Харис Хорп по прозвищу Харри Мертвая Голова; сир Эйгон Амброз; сир Дикон Флауэрс, Бастард из Медовой Роши; сир Виллем Скиталец; сир Гарибальд Семизвездный, рыцарь-септон. Дамон Верный, как гласит летопись, прочел молитву, прося Воина даровать силу правым, королева Висеня дала знак, и бой начался.

Первым пал Бобовый Дик, сраженный Лайлом Бракеном пару мгновений спустя, но после этого ничего нельзя утверждать достоверно. В одной летописи сказано, что из вспоро-

того живота Гая-Обжоры вывалилось сорок непереваренных пирогов; в другой читаем, что сир Гарибальд Семизвездный сражался, распевая при этом гимн. Несколько очевидцев пишут, что лорд Масси отсек Харри Харпу руку; по словам одних, Харп перекинул свой боевой топор в левую и вогнал его Масси между глаз, по словам других, он погиб на месте. Битва то ли длилась несколько часов, то ли закончилась очень скоро. Все, однако, согласны с тем, что бойцы дрались доблестно, и вот Мейегор остался один против Дамона Верного и Виллема Скитальца. Король бился Черным Пламенем, и оба его противника были тяжело ранены, но жизнь его, в чем сходятся и певцы и мастера, висела на волоске. Сир Виллем, уже падая, нанес ему страшный удар по голове. Все думали, что Мейегору конец, но Висенья, сняв с сына разбитый шлем, воскликнула: «Король жив!»

Итак, победа осталась за Мейегором. Когда семь лучших Сынов Воина пали мертвыми, семьсот оставшихся пали на колени, признав свое поражение. Королева Висенья, распорядившись отнести сына к мастерам, приказала им вернуться в свою крепость на вершине холма.

Двадцать семь дней Мейегор находился между жизнью и смертью. Мастера потчевали его зельями и лечили припарками, септоны молились у его ложа. Сыны Воина в Памятной септе тоже молились и спорили, как им быть дальше. Одни говорили, что орден должен признать Мейегора королем, ибо боги даровали победу ему; другие возражали, что клятва, данная верховному септону, обязывает их продолжать борьбу.

Тем временем с Драконьего Камня прибыла Королевская Гвардия. По приказу королевы Висеньи белые рыцари, возглавив сторонников дома Таргариенов, окружили холм Рейенис. В ту же пору вдовствующая королева Алисса на Дрифтмарке объявила сына своего Эйгона подлинным королем Вестероса, но поддержали ее немногие. Эйгон, которому оставался еще год до совершеннолетия, сидел в Кракехолле, окруженный толпами Честных Бедняков и простых крестьян, видевших в нем порождение зла.

Архимастеры Цитадели собрали конклав для обсуждения, кто должен унаследовать трон, и выбрали нового сенешаля. Тысячи Честных Бедняков двинулись на Королевскую Гавань. Тех, что шли с запада, возглавлял межевой рыцарь сир Хорис Хилл; тех, что с юга, – гигантского роста воин с боевым топором по прозвищу Уот-Рубака. Когда толпы, ставшие лагерем у замка Кракехолл, ушли с остальными, Эйгон и Рейена смогли наконец покинуть свое убежище и перебрались в Бобровый Утес под защиту лорда Лимана Ланнистера. Жена его леди Йокаста, как пишет мастер лорда Лимана, первая догадалась, что принцесса носит дитя.

На двадцать восьмой день после Испытания Семерых в столицу пришел с вечерним приливом корабль из Пентоса. Алис из дома Харроуэев, вторая жена Мейегора, привезла с собой шестьсот наемников и одну женщину, бледную красавицу с иссиня-черными волосами. Называлась она Тианной из Башни; одни полагали ее наложницей Мейегора, другие – любовницей самой леди Алис. Тианна, внебрачная дочь пентошийского магистра, была плясуньей в таверне, прежде чем выбилась в куртизанки. Ходили слухи, что она к тому же колдунья и отравительница. О ней рассказывали много всяких историй, но королева Висенья сразу же отставила всех мастеров и септонов, поручив сына заботам одной Тианны.

Король очнулся на следующее же утро с восходом солнца. Народ восторженно приветствовал Мейегора, вышедшего на стену Красного Замка с Алис Харроуэй и Тианной из Пентоса, но радостные крики скоро утихли. Король, сев на Балериона, полетел к холму Рейенис, где собрались на утреннюю молитву Сыны Воина. Дракон поджег Памятную септу, а стоявшие наготове копейщики с лучниками добивали тех, кто вырывался наружу. Говорят, что вопли горящих заживо разносились по всему городу, и долго еще над Королевской Гаванью стояла дымная пелена. Так встретили свою смерть наилучшие из Сынов Воина. В Староместе, Ланниспорте, Чаячьем городе и Каменной Септе оставались еще их собратья, но былую силу орден уже не обрел.

Это, впрочем, было лишь началом войны Мейегора с орденами Веры, которая продолжалась все его царствование. Первым делом король приказал Честным Беднякам, идущим на столицу, сложить оружие под страхом опалы и смерти. Те не подчинились, и король повелел «своим верным лордам» выйти в поле и разогнать мятежный сброд силой. Верховный септон в ответ призвал «благочестивых детей богов» не слагать оружия и покончить с правлением «огненных чудищ и порождений греха».

Первая битва состоялась в Просторе, у города Каменный Мост, где шесть лордов взяли в кольцо девять тысяч Честных Бедняков, переходивших Мандер во главе с Уотом-Рубакой. Половина их войска находилась уже на северном берегу, половина оставалась на южном. Необученные бойцы, одетые в вареную кожу, холстину, обломки ржавых доспехов и вооруженные лишь кольями, топорами да вилами, никак не могли выдержать атаку тяжелой рыцарской конницы. Резня учинилась такая, что Мандер покраснел от крови на двадцать лиг, а город стал именоваться не Каменным, а Горьким Мостом. Уота, убившего полдюжины рыцарей (среди коих был Лоудос из Трав, предводитель королевского войска), взяли живым и в цепях доставили к королю.

Но тут на Большой Зубец реки Черноводной вышел сир Харис Хилл с еще большим войском: около тринадцати тысяч Честных Бедняков, двести конных Сынов Воина из Каменной Септы, а с ними домашние рыцари и ополченцы, присланные дюжиной мятежных лордов западных и речных земель. Последних возглавил лорд Руперт Фалвелл, известный как Воинствующий Дурак; с ним вместе выступили сир Лионель Лорх, сир Алин Террик, лорд Тристифер Уэйн, лорд Джон Лайчестер и многие другие славные рыцари. Всего армия Веры насчитывала двадцать тысяч бойцов.

Королевское войско, примерно такой же величины, имело в своих рядах почти вдвое больше конницы, большой отряд стрелков с длинными луками, и сопровождал его сам король верхом на драконе. Битва тем не менее разгорелась жестокая. Воинствующий Дурак убил двух рыцарей Королевской Гвардии, прежде чем лорд Девичьего Пруда сразил его самого. Большой Джон Хогг, боец короля, ослепший от раны, собрал своих людей и прорвал вражескую оборону, обратив Честных Бедняков в бегство. Хлынувший над полем ливень не смог погасить пламя, которое вновь и вновь изрыгал с неба Балерион. К ночи победа осталась за королем; Бедняки, побросав топоры и колья, разбежались куда глаза глядят.

Торжествующий Мейегор вернулся в Королевскую Гавань и снова взошел на Железный Трон. Скованному, но не покорившемуся Уоту-Рубаке король отсек руки и ноги его же собственным топором, но наказал мастерам сохранить ему жизнь, дабы тот «мог отпраздновать мою свадьбу», и объявил, что берет себе третью жену, Тианну из Башни. При дворе шептались, что королева-мать недолюбливает колдунью из Пентоса, но лишь великий мастер Мирес осмелился возразить королю. «Ваша единственная законная жена ждет вас в Староместе», – сказал он. Мейегор, выслушав его молча, сошел с трона и убил Миреса Черным Пламенем.

Мейегор Таргариен и Тианна из Башни сочетались браком на холме Рейенис, среди пепла и костей Сынов Воина. Говорили, что король предал смерти дюжину септонов, пока кто-то не согласился свершить беззаконный обряд. На церемонии, куда принесли искалеченного Уота-Рубаку, присутствовала также вдова Эйениса Алисса с младшими детьми Визерисом, Джейехерисом и Алисанной. Висенья, прилетев на Дрифтмарк, побудила бывшую королеву вернуться ко двору, где та вместе с братьями и кузенами из дома Веларионов признала Мейегора своим королем. Ее вынудили даже участвовать с другими дамами в провожании и раздевать короля на пути в опочивальню, а заправляла этим Алис Харроуэй, вторая жена. Уложив короля в постель, Алисса и прочие дамы вышли, но Алис осталась на ложе с королем и его новой женой.

Верховный септон в Староместе продолжал обличать «гнусного тирана с его блудницами». Сериса Хайтауэр настаивала на том, что она единственная законная королева, Эйегон Таргариен в западных землях – на том, что он единственный законный король.

Пока Мейегор сражался за трон, Эйгон и ожидавшая ребенка Рейена оставались в Бобровом Утесе. Почти все рыцари и сыновья лордов, выехавшие с ними в злополучное путешествие по стране, покинули их и устремились в Королевскую Гавань, чтобы присягнуть Мейегору. Даже служанки и фрейлины Рейены сочли за благо уехать. Лишь Алейна Ройс осталась при ней, а другая подруга детства, Мелони Пайпер, привела в Ланниспорт своих братьев, и они признали Эйгона своим королем.

Эйгон, всю жизнь полагавший, что займет трон после отца, увидел вдруг, что лишился большинства друзей и сторонников. Приверженцы Мейегора, число коих росло с каждым днем, открыто заявляли, что принц столь же слаб, как и его покойный отец. У него и дракона-то нет, между тем как Мейегор владеет Балерионом, а сестра и жена его летает на Огненной Мечте сызмальства. Присутствие Алиссы на свадьбе Мейегора доказывало, по общему мнению, что даже родная мать отреклась от принца.

Лиман Ланнистер, приютивший молодую чету, не подчинился Мейегору, когда тот потребовал доставить к нему принца с принцессой «не добром, так в цепях», но поостерегся вручить свой меч юноше, коего именовали теперь не иначе как «претендентом» и «Эйгоном Некоронованным».

В Бобровом Утесе принцесса Рейена произвела на свет двух дочерей-близнецов, названных Эйереей и Рейеллой. Звездная септа немедля объявила малюток исчадиями греха и плодами кровосмешения, проклятыми свыше в самый миг своего рождения. Мейстер Утеса, принимавший роды, пишет, что принцесса молила мужа увезти всю семью за Узкое море – в Мир, Тирош, Волантис, где дядя не смог бы достать их. «Я охотно отдала бы жизнь, чтобы сделать тебя королем, но детьми рисковать не хочу», – говорила она. Но Эйгон, твердо вознамерившись отстаивать свои наследственные права, остался глух к ее мольбам.

Начало 43 года застало Мейегора в Королевской Гавани, где он самолично надзирал над строительством Красного Замка. В отделке и украшении вводились многие перемены, приглашались новые каменщики и ваятели, в глубине Эйгонова холма прокладывались потайные ходы. Вместе с красными башнями возводился и замок внутри замка, окруженный сухим рвом. Позднее он получил название крепости Мейегора.

В том же году Мейегор сделал своим десницей лорда Лукаса Харроуэя, отца королевы Алис, но у кормила государства стоял не он. Король, может, и правит Вестеросом, говорили люди, но им самим правят три королевы: мать Висенья, Алис и пентошійка. Тианну называли мастерицей над шептунами и королевским вороном за черные волосы. Говорили, что крысы, пауки и вся столичная нечисть по ночам стекаются к ней и доносят на тех, у кого достало глупости сказать хоть слово против короля Мейегора.

Честные Бедняки все еще бродили по дорогам и безлюдным местам Простора, Трезубца, Долины. Собраться вместе, чтобы дать королю еще один бой, они более не могли и боролись с ним по-своему: нападали на путников, города, деревни, плохо защищенные замки и всюду истребляли сторонников Мейегора. Сир Харис Хилл спасся из битвы на Большом Зубце, но охотников примкнуть к побежденному нашлось мало, а новые вожаки – Нищий Сайлас, септон Мун, Деннис Хромой – мало чем отличались от разбойничьих атаманов. Особенно свирепствовала женщина по имени Рябая Джейна: добрые люди не отваживались путешествовать через лес между столицей и Штормовым Пределом, где рыскала ее шайка.

Сыны Воина тем временем выбрали себе нового капитана, сира Джоффри Доггета по прозвищу Рыжий Пес из Холмов. Вознамерившись вернуть ордену былую славу, он выехал из Ланниспорта с сотней людей, чтобы испросить благословения верховного септона. К приезду в Старомест к нему примкнуло столько рыцарей, оруженосцев и вольных всадников, что отряд его составил две тысячи. Другие недовольные лорды и сторонники Веры по всей стране также собирали людей и думали, как бы им известить драконов.

Незамеченным это не прошло. Вороны летали повсюду, приглашая лордов и рыцарей сомнительной верности в Королевскую Гавань, где им предлагалось склонить колено, присягнуть королю и оставить сына или дочь в залог своего послушания. Ордена Звезд и Мечей были объявлены вне закона, и пребывание в них отныне каралось смертью. Верховному септону приказали явиться в Красный Замок, чтобы предстать перед судом за измену.

На это его святейшество призвал короля самого приехать в Звездную септу, чтобы испросить прощения богов за грехи и тиранство. Непокорные лорды следовали его примеру; если одни все же ехали в Королевскую Гавань и оставляли детей в заложниках, то другие отказывались, надеясь отсидеться в своих крепких замках.

Король, поглощенный строительством, позволял этой язве зреть около полугода, и первый удар нанесла его мать. Верхом на Вхагаре она затопила Простор огнем и кровью, как некогда Дорн. За одну ночь сгорели замки Блантри, Терриков, Деддингов, Лайчестеров и Уэйнов. Вслед за ней и сам Мейегор полетел в западные земли, где спалил усадьбы Брумов, Фалвеллов, Лорхов, Миаттов и прочих «благочестивых», не откликнувшихся на его королевский зов. Напоследок он обрушился на дом Доггетов; в огне погибли родители и младшая сестра сира Джоффри, а с ними все ополченцы и слуги. Среди дымовых столбов, поднявшихся в Просторе и западных землях, Вхагар и Балерион повернули на юг, к Староместу. Во время Завоевания другой лорд Хайтауэр по совету другого верховного септона открыл городские ворота и тем избежал огня, но теперь самому большому городу Вестероса определенно грозила гибель.

Тысячи жителей в ту ночь покинули Старомест по суше и по морю, тысячи других пьянствовали на улицах. «Это ночь песен, вина и грехов, – говорили они, – ведь наутро сторгят и праведники, и грешники». Третьи собирались в храмах и богородах, моля богов пощадить их. Верховный септон в Звездной септе призывал гнев богов на головы Таргариенов. Архимастеры Цитадели собрали конклав. Городская стража готовила мешки с песком и ведра с водой для тушения пожаров. На стенах города ставили копьемыты и скорпионы в надежде сразить драконов. Двести Сынов Воина во главе с сиром Морганом Хайтауэром, младшим братом лорда, окружили Звездную септу стальным кольцом, охраняя его святейшество. Огонь маяка на Высокой Башне из красного стал зеленым: лорд Мартин созывал знамена. Старомест ждал рассвета и пришествия драконов.

И драконы явились – Вхагар на восходе солнца, Балерион ближе к полудню. Городские ворота были открыты, на стенах ни души, всюду висели знамена Таргариенов, Тиреллов и Хайтауэров. Королева Висенья первой узнала о том, что прошлой ночью, в самом темном ее часу, скончался верховный септон.

Был он человеком пятидесяти трех лет, неутомимым, бесстрашным и с виду вполне здоровым. Много раз он проповедовал сутки напролет без пищи и отдыха. Причина его внезапной смерти, потрясшей Старомест и устранившей защитников города, неизвестна и по сей день. Кое-кто говорит, что его святейшество сам поднял на себя руки – то ли из трусости перед королевским гневом, то ли желая спасти горожан от огненной гибели. Другие полагают, что это Семеро покарало его за гордыню, ересь и измену своему королю.

Большинство придерживается мнения, что он был убит... но кем же? Одни кивают на сира Моргану Хайтауэра, будто бы совершившего это по приказу лорда, своего брата (видели, как он в ту ночь несколько раз входил в покои его святейшества). Другие подозревают леди Патрисию Хайтауэр, незамужнюю тетку лорда Мартина, признанную колдунью (она и впрямь приходила вечером к верховному септону, но после ее ухода он был еще жив). Думают также на мастеров Цитадели, которые могли совершить злодейство с помощью темных искусств, наемного убийцы или отравленного свитка (Цитадель и Звездная септа всю ночь обменивались посланиями). Есть и такие, кто оправдывает их всех и винит в смерти святейшего отца другую известную чародейку, Висенью Таргариен.

Правды мы скорей всего никогда не узнаем, но нельзя отрицать, что лорд Мартин, получив скорбную весть, действовал очень быстро. Он тотчас же отрядил своих рыцарей разоружить и взять под арест Сынов Воина, в том числе и родного брата. Городские ворота открыли, на стенах подняли знамена Таргариенов. Еще до того как Вхагар показался в небе, люди Хайтауэра подняли с постели всех Праведных и погнали их копьями в Звездную септу выбирать нового верховного септона.

Мудрые мужи и жены Веры, проголосовав всего один раз, остановили свой выбор на септоне Пейтере, девяностолетнем слепом старце, известном своей добротой и терпимостью. Его святейшество, чуть не падая под тяжестью кристальной короны, незамедлительно благословил Мейегора на царство (немного перепутав слова) и помазал его священным елеем.

Королева Висеня вскоре вернулась на Драконий Камень, но король остался в Староместе еще на полгода, дабы вершить суд. Взятым под стражу Сынам Воина был предоставлен выбор: отречься от ордена и отправиться на Стену братьями Ночного Дозора – или стать мучениками за Веру. Три четверти выбрали черное, остальных казнили. Семерым из них, знаменитым рыцарям и сыновьям лордов, оказал честь сам король Мейегор, отрубив им головы Черным Пламенем, прочих обезглавили их же бывшие братья. Полное королевское прощение получил лишь один человек, сир Морган Хайтауэр.

Новый верховный септон официально распустил ордена Мечей и Звезд, приказав их оставшимся членам сложить оружие во имя богов. Семеро более не нуждаются в защитниках, заявил он: отныне сам Железный Трон станет покровителем и защитником Веры. Мейегор дал Святому Воинству срок до конца года, после чего за упорствующих будет назначена награда: золотой дракон за голову Сына Воина, серебряный олень за «вшивую башку» Честного Бедняка.

Ни верховный септон, ни Праведные ничего на это не возразили. Король, будучи в Староместе, примирился со своей первой женой леди Серисой, сестрой лорда Мартина. Ее величество обязалась относиться с уважением к другим женам и не говорить о них дурно, за что Мейегор возвратил ей все права, доходы и привилегии, коими она обладала как королева. В честь примирения Высокая Башня устроила большой пир наподобие второй свадьбы, с провожанием и брачной ночью.

Неизвестно, сколько бы еще времени король провел в Староместе, если б под конец 43 года не получил вести о новом покушении на свой трон. Принц Эйгон, узнав о долгом отсутствии Мейегора, решил не упускать случая. Он и Рейена пересекли речные земли с горсткой сторонников и проникли в Королевскую Гавань, укрывшись под мешками с зерном. Железный Трон он не стал занимать, зная, что не удержит его: целью их были Огненная Мечта и Ртуть, дракон короля Эйениса. Въезжали они на телеге, влекомой мулами, а улетели на драконах и отправились напрямиком на запад – собирать войско.

Ланнистеры из Бобрового Утеса все еще медлили открыто их поддержать, и приверженцы Эйгона Некоронованного стекались к Розовой Деве, усадьбе Пайперов. Лорд Джон Пайпер присягнул Эйгону, но все знали, что подвигла его на это сестра Мелони, верная подруга Рейены. Эйгон, слетев к замку верхом на Ртути, изобличил своего дядю как тирана и узурпатора, призвав всех честных подданных встать под знамена настоящего короля.

Пятнадцатитысячное его войско составляли в основном люди речных и западных лордов: Тарбека, Пайпера, Рута, Венса, Карлтона, Фрея, Паррена, Вестерлинга. К ним примкнули сир Корбрей из Долины, Бастард из Барроутона и четвертый сын владетеля Гриффин-Руста. Из Ланниспорта прибыли пятьсот человек под знаменем Тайлера Хилла, внебрачного сына Лимана Ланнистера; сам хитроумный лорд Бобрового Утеса оставался в стороне на случай победы Мейегора. Отряд Пайперов вместо лорда Джона и его братьев возглавила одетая в кольчугу и вооруженная копьем Мелони. Войско, ведомое самим принцем на Ртути, двинулось в поход через речные земли.

В его рядах были опытные командиры и могучие рыцари, но великие дома принца не поддерживали. Королева Тианна, впрочем, писала королю, что Штормовой Предел, Орлиное Гнездо и Бобровый утес состоят в тайной переписке с вдовствующей королевой Алиссой: чтобы сделать их своими сторонниками, принцу требовалась победа.

Мейегор позаботился, чтобы она ему не досталась. Из Харренхолла выступил лорд Харроуэй, из Риверрана лорд Талли. Сир Давос Дарклин из Королевской Гвардии, набрав в Королевской Гавани пять тысяч мечей, двинулся навстречу мятежникам. С Простора вышли лорды Рован, Мерривезер и Касвелл со своими вассалами. Медленно ползущее войско Эйегона оказалось в кольце; каждая вражеская рать была меньше его собственной, но семнадцатилетний принц не знал, куда нанести удар. Сир Корбрей советовал ему расправляться с каждым неприятелем поочередно, не давая объединиться с другими, однако Эйегон, не желая дробить свои силы, по-прежнему шел на Королевскую Гавань.

К югу от Божьего Ока ему заступил дорогу сир Дарклин, занявший позицию на возвышенности за стеной из копий. Разведчики принца докладывали, что с юга подходят Мерривезер и Касвелл, а с севера Талли и Харроуэй. Принц приказал атаковать, надеясь разбить горожан до того, как с флангов придут другие королевские силы, и сам возглавил атаку с воздуха. Поднявшись ввысь, он услышал крики своих людей, и на южном небосклоне возник Балерион Черный Ужас.

На поле сражения прибыл король Мейегор.

Впервые с тех пор, как Рок поразил Валирию, один дракон встречался с другим в воздушном бою.

Ртуть, вчетверо меньше Балериона, не могла тягаться с более старым и свирепым противником. Балерион, сметая клубами черного пламени ее бледные облачка, ринулся на нее сверху и оторвал ей крыло. Молодой дракон, крича и дымясь, устремился к земле, а с ним и принц Эйегон.

Битва внизу завершилась почти столь же быстро и была намного кровопролитней. Мятежники, уразумев после падения Эйегона, что их дело обречено, обратились в бегство, бросая оружие и доспехи, но королевские войска сомкнулись вокруг, и спасения не было. К концу дня погибли около двух тысяч солдат Эйегона и около ста людей короля. В числе погибших были лорд Алан Тарбек, Бастард Барроутонский Деннис Сноу, лорд Джон Пайпер с сестрой Мелони и тремя братьями, лорд Роннел Венс, сир Виллем Вистлер – и Эйегон Некоронованный, принц Драконьего Камня. Люди короля из военачальников потеряли только сира Давоса Дарклина, которого убил сир Корбрей валирийским мечом Покинутая. За битвой последовали полугодовые суды и казни. Королева Висеня убедила сына помиловать кое-кого из мятежных лордов, но все они лишились земель, титулов и принуждены были оставить заложников.

Лишь одна именитая особа не числилось ни среди убитых, ни среди пленных. Рейена, сестра и жена Эйегона, не участвовала в бою. Историки по сей день спорят, по собственному ли почину или по приказу мужа сделала она такой выбор. Так или иначе, принцесса осталась в Розовой Деве со своими дочерьми и с драконом Огненная Мечта. Быть может, исход битвы стал бы иным, будь у Эйегона второй дракон? Этого мы никогда не узнаем, но многие справедливо указывают, что Огненная Мечта, еще моложе и меньше Ртути, никакой угрозы для Балериона не представляла.

Весть о гибели мужа и леди Мелони Рейена выслушала, как говорят, с каменным лицом. Когда ее спросили, отчего она не плачет по ним, она отвечала: «На слезы нет времени». Боясь гнева дяди, она взяла малюток Рейеллу и Эйерею и перелетела сперва в Ланниспорт, а после на остров Светлый. Новый лорд Марк Фармен, чьи отец и старший брат погибли на стороне Эйегона, дал ей приют и поклялся, что под его кровом с ней ничего не случится. Около года его

люди со страхом смотрели на восток, ожидая увидеть в небе черные крылья, но король так и не прилетел. Мейегор отбыл в Красный Замок, твердо вознамерившись обзавестись наследником.

44 год по сравнению с предыдущим выдался мирным, но запах крови и гари, по словам летописцев, все еще висел в воздухе. Вокруг Железного Трона подрастал Красный Замок, но двор Мейегора Первого был угрюм, несмотря на присутствие целых трех королев... а может быть, как раз из-за этого. Мейегор, каждую ночь деля ложе с одной из жен, не преуспел в продолжении рода; дети брата Эйениса оставались его единственными наследниками. Его прозвали Мейегором Жестоким и осуждали за пролитие родной крови, но тот, кто сказал бы ему это в глаза, тут же расстался бы с жизнью.

Престарелый верховный септон умер, и ему на смену пришел другой. Новый святейший отец не говорил ни слова против короля и его королев, но вражда между Мейегором и Верой держалась. Честных Бедняков убивали сотнями ради награды, однако тысячи их еще таились в лесах и пустынных краях, неустанно проклиная Таргариенов. Одна шайка избрала даже собственного верховного септона – бородатого мужлана по имени септон Мун. Немногих уцелевших Сынов Воина по-прежнему возглавлял сир Джоффри Доггет, Рыжий Пес из Холмов. Не имея более сил встретиться с королем в открытом бою, Рыжий Пес посылал своих людей под видом межевых рыцарей убивать сторонников Таргариена и «изменников Веры». Их первой жертвой пал сир Морган Хайтауэр, сам ранее состоявший в ордене: его изрубили на дороге в Медовую Рощу. Вслед за ним погибли старый лорд Мерривезер, сын и наследник лорда Рована, престарелый отец Давоса Дарклина и даже слепой Джон Хогг. За голову каждого из Мечей платили по золотому, но народ в память прошлого укрывал и кормил их.

Королева Висеня на Драконьем Камне между тем чахла и таяла на глазах. Вдова ее племянника, бывшая королева Алисса, жила при ней вместе с сыном Джейхерисом и дочерью Алисанной; принца Визериса, старшего сына, взял ко двору Мейегор, и все понимали, что семью покойного Эйениса держат в заложниках. Визерис, многообещающий юноша пятнадцати лет, хорошо владеющий мечом и копьем, был королевским оруженосцем, и один из королевских гвардейцев следил за ним неусыпно.

Вскоре стало казаться, что король все же получит желанного сына: королева Алис, к восторгу всего двора, объявила о своей беременности. На поздних сроках великий мейстер Десмонд велел ей не вставать с постели; кроме него, за королевой ходили две септы, повитуха, сестры ее Джейна и Ханна. Двум другим женам Мейегор также приказал служить беременной Алис.

Королева пролежала так две луны и на третьей выкинула. Взглянув на плод, король ужаснулся: мальчик был безглазым уродцем с огромной головой и вывернутыми членами. «Это не мой сын», – взревел Мейегор и в приступе ярости велел казнить повитуху, обеих септ и самого великого мейстера, пощадив лишь сестер королевы.

Рассказывают, что к королю, сидевшему на троне с головой великого мейстера в руках, пришла Тианна и сказала, что его обманули. Алис-де, видя высохшую бесплодную Серису и боясь сама стать такой, обратилась за помощью к лорду-отцу, королевскому деснице. В те ночи, когда Мейегор делил ложе с Серисой или Тианной, лорд Лукас посылал в опочивальню дочери других мужчин, чтобы помочь ей зачать дитя. Король, не желая этому верить, обозвал Тианну ревнивой бесплодной сукой и запустил в нее головой великого мейстера. «Пауки не лгут», – сказала на это мастерица над шептунами и вручила ему список.

Там значились имена двадцати мужчин, пытавшихся будто бы оплодотворить королеву Алис: молодых и старых, красивых и безобразных, рыцарей и оруженосцев, лордов и слуг, а также менестрелей, конюхов, кузнецов. Десница, похоже, забросил широкий невод. Роднило их то, что все они славились своей мужской силой и потомство имели здоровое.

Все они, кроме двух человек, признались под пыткой. Один, отец дюжины детей, не успел еще потратить золото, уплаченное лордом Харроуэем. Следствие чинили быстро и тайно: ни

десница, ни королева Алис ничего не знали о подозрениях Мейегора, пока к ним не нагрянула Королевская Гвардия. Алис вытащили из постели, двух сестер убили у нее на глазах, отца сбросили на камни с Башни Десницы. Под стражу взяли также сыновей, братьев и племянников лорда Харроуэя. Насаженные на пики сухого рва вокруг Крепости Мейегора, они умирали медленно; слабоумный Хорас, как говорят, протянул несколько дней. К ним вскоре присоединились двадцать мужчин из списка королевы Тианны и еще двенадцать, названных ими.

Самая худшая участь постигла несчастную королеву Алис: ее отдали на муки Тианне, и та с ней творила такое, о чем лучше не вспоминать. Достаточно сказать, что умирала она почти две недели, и король Мейегор присутствовал при ее истязаниях. После смерти ее тело разрубили на семь частей и водрузили куски над семью городскими воротами, где они оставались, пока не сгнили.

Сам король, собрав множество рыцарей и латников, отправился в Харренхолл, чтобы довершить истребление дома Харроуэев. Гарнизон замка был невелик, и кастелян, племянник казненного лорда, сразу открыл ворота по королевскому требованию. Это его не спасло: Мейегор вырезал всех защитников, а также всех мужчин, женщин и детей, в ком имелась хоть капля крови Харроуэев. То же самое он повторил на Трезубце, в городе лорда Харроуэя.

После этого люди стали говорить, что Харренхолл проклят, ибо каждый дом, владеющий им, ждет кровавая гибель. Однако завладеть замком Черного Харрена с его обширными угодьями желали столь многие, что король решил отдать Харренхолл сильнейшему. Двадцать три королевских рыцаря сразились в залитом кровью городе лорда Харроуэя на мечах, копьях и булавах. Победа досталась сиру Валтону Тауэрсу, и он стал новым лордом, но вскоре умер от полученных в схватке ран. Харренхолл перешел к его сыну, хотя угодья замка значительно поубавились, ибо город король отдал лорду Алтону Батервеллу, а лорду Дорманду Дарри пожаловал большой земельный надел.

По возвращении в Королевскую Гавань Мейегора встретила весть о смерти матери, королевы Висеньи. Более того: королева Алисса вместе с детьми и двумя драконами, Вермитором и Среброкрылым, воспользовавшись суматохой после ее кончины, бежала с Драконьего Камня, и никто не знал, куда она отправилась дальше. Меч Темная Сестра, похищенный из покоев Висеньи, она увезла с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.